

СЮЖЕТ О КОНТРАРАЗВЕДКЕ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ЛЕГ В ОСНОВУ
ПОПУЛЯРНОГО ТЕЛЕСЕРИАЛА "КУРЬЕРСКИЙ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ!"

АЛЕКСЕЙ ФОМИЧЕВ

САМ
БЕЗ ОРУЖИЯ

Алексей Фомичев

Сам без оружия

«Автор»

2014

Фомичев А. С.

Сам без оружия / А. С. Фомичев — «Автор», 2014

ISBN 978-5-17-083850-9

Идет Первая мировая война. Из здания Генерального штаба похищены секретные документы. На их поиски брошена группа блестящих контрразведчиков, которым поставлена задача – любой ценой обнаружить и вернуть бумаги. Есть подозрения, что кражу совершили японские ниндзя, поэтому к делу привлекают Василия Щепкина, который работает под прикрытием киносценариста. Имея за плечами многолетнее обучение в Японии и черный пояс по дзюдо, он прекрасно знает Японию и тонкости жизни островитян... Прототипом главного героя стал человек-легенда, основатель борьбы самбо Василий Сергеевич Ощепков. Сюжет книги лег в основу нашумевшего телевизионного сериала «Курьерский особой важности».

ISBN 978-5-17-083850-9

© Фомичев А. С., 2014

© Автор, 2014

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Сергеевич Фомичев

Сам без оружия

От автора

В основу сюжета этой книги положен одноименный сценарий Сергея Кузьминых, по которому был снят телевизионный сериал «Курьерский особой важности», с успехом прошедший на экранах в октябре 2013 года.

И я хотел бы выразить огромную признательность Сергею за предоставленную возможность воплотить его интересный и увлекательный замысел на бумаге!

Желаю всем приятного чтения!

Пролог

Первый летний день принес в Киото настоящую жару. Вопреки прогнозам небо было безоблачным, а солнце, яркое, каким оно может быть только на Востоке, изрядно припекало и заставляло все живое искать укрытие от своих лучей.

Как же хорошо было находиться в просторной комнате, куда солнце не проникало, а приятную прохладу дарил легкий сквознячок, гулявший под потолком и между стен.

– А по срокам начало сезона дождей. Видимо, в этом году на пару дней запоздает...

Хозяин кабинета настоятель русской духовной миссии отец Николай отошел от окна и посмотрел на гостя, расположившегося в углу на диване.

– Привык я к здешнему климату, а все мечтаю опять снег увидеть, под дождичком смоленским босиком пройтись... – он мягко улыбнулся, развел руками. – Извините старика, на воспоминания потянуло.

Гость – выше среднего роста статный молодой человек в легком летнем костюме – понатужив кивнул.

– Я здесь неделю, и то по дому скучаю, а вы уже столько лет!

– Верно, скоро сорок лет как здесь. И хорошо знаю страну, людей. Можно сказать, ознакомились окончательно. Поэтому, Виктор Сергеевич, ваших сомнений разделить не могу.

– Это не мои сомнения, отец Николай. В Петербурге так считают. Да и во Владивостоке кое-кто. В военном ведомстве числят Японию среди врагов империи. Пусть не настоящих, а будущих.

– Эка вы хватили! Будущих!.. Позвольте усомниться в выводах ваших генералов. Япония из всех сил стремится встать на ноги. Развивает промышленность, производство. Столько инженеров пригласили сюда! И своих умников растят, грамоте и наукам учат.

– Именно. За последние тридцать лет Япония сделала такой прыжок вперед, что обставила многих. Россию в том числе.

– И в этом угроза?

– Не только.

Гость достал платок и промокнул вспотевший лоб. Расстегнул ворот белой рубашки.

– Чаю, Виктор Сергеевич? – предложил настоятель.

– Да куда уж чай гонять по такой жаре. Кваску бы!..

– А вот в самый раз. Да и не кипятком поить буду, холодненьким, с лимоном. Жажду утоляет лучше кваса.

Настоятель подошел к двери, громко позвал своего помощника и отдал тому распоряжение. Тот с поклоном исчез и вскоре вернулся с подносом, на котором стоял фарфоровый чайник и пиалы.

Настоятель сам налил гостю чай и протянул ему пиалу. Тот кивком поблагодарил, сделал глоток, прислушался к ощущениям и довольно улыбнулся.

– И впрямь хорошо. Благодарствую.

– Пейте, Виктор Сергеевич, пейте. Японцы чай очень как уважают, целые церемонии проводят.

– Это как?

– Чайные сады, домики, специально подобранная посуда, ритуалы. Обязательно беседы.

– Ну, у нас тоже любят поговорить, – усмехнулся гость. – И самовары ставят, и угощение. Чем не церемония?!

Настоятель сам попробовал чай, довольно причмокнул губами.

– Вы долго здесь пробудете?

– Нет... еще пару дней. Сами понимаете, в моем ведомстве ждут вестей.

– Жаль. А то бы я вас пригласил к моим друзьям. Вы бы увидели, в чем разница между нашими посиделками и настоящей японской церемонией. Японцы очень большое значение придают ритуалам, деталям, порядку. И это касается всего.

– Это точно. Это мы уже заметили. И на Сахалине, и даже во Владивостоке. Японская разведка действует, причем все активнее. Простите, отче, я перебил вас.

– Пустое, – настоятель опять отошел к окну. – Я не знаю о японской разведке у нас. Но раз вы, офицер русской армии, прибыли сюда, значит, есть повод для беспокойства.

– Есть, отче, есть. Наступает новый век, двадцатый. Полгода осталось всего-то. Какими будут отношения Российской империи и Японии? Чего нам ждать от соседей? Чего они хотят? Ведь японцы не скрывают своих планов по Сахалину и по Китаю. Они готовят новую армию, где место самурайских дружин занимают регулярные части, вооруженные новым оружием. Они стремительно растут.

– И этот рост беспокоит Петербург?

– Да. Правда... – Гость развел руками, – у нас больше полагаются на былые победы, на славу дедов и отцов, на суворовского богатыря-солдата. И конечно, на авось. Но есть и те, кто думает иначе. Кто пытается заглянуть вперед на десять, двадцать лет. И кто видит, что одними штыками и суворовским натиском победы не одержать. Нужна разведка. Нужны свои обученные кадры, умеющие работать и в тылу врага.

– Вот опять вы о врагах! – мягко укорил настоятель.

– Простите. Однако мы не можем и дальше просто смотреть, как Япония наращивает силы. Нам нужны свои глаза и уши здесь. Нужны хорошо подготовленные люди, знающие язык страны, ее обычаи, традиции. Конечно, они должны быть хорошо образованны.

– И у вас такие есть?

– Нет, – честно признался гость. – Их надо растить, готовить. Годами, а то и десятилетиями. И начинать с детского возраста.

– Дети?.. – настоятель выглянул в окно. – Значит, вы пришли по души этих детишек? Затем прислали сюда этих мальчишек-сирот?

Гость тоже подошел к окну, выглянул.

В саду миссии, что был разбит неподалеку от семинарии, в тени толпились десятка полтора русских ребятишек восьми – двенадцати лет. Одетые в новую, еще не обмявшуюся форму, коротко стриженные, они сидели на траве. Их внимание было приковано к группе японских детей, что занималась на полянке под руководством пожилого учителя.

Те были одеты в старые заштопанные кимоно и выполняли приемы какой-то местной борьбы. Учитель изредка давал указания и поправлял учеников, а те азартно толкали друг друга, ставили подножки или ловко бросали на землю.

– Что это? Здешняя борьба? – спросил гость.

– Они называют это... если поточнее перевести – дзюу-дзюцу или дзюу-до...

– Дзюдо?

– Да. Ее не так давно создал один мастер, и теперь дзюдо в обязательном порядке преподают во всех школах и семинариях для физического развития.

– Вот как?! Они заботятся даже об этом! – гость покачал головой. – Воспитание здорового поколения начинается с раннего возраста. А у нас, кроме дворовых игр, ничего нет. Хотя этого хватает. Наши-то ребятишки покрупнее, посильнее.

– Не все решает сила, – покачал головой настоятель. – Я знаю учителя Сато, он рассказывал мне, что дзюу-до – это целый путь, наука, как побеждать более сильного, как использовать силу врага себе на благо.

– Не знаю, выстоят ли эти японцы против английских и французских боксеров, – усмехнулся гость. – Но швыряют друг друга ловко. А принцип интересный – использовать силу врага себе на благо. Это многое говорит о японцах. – Гость посмотрел на настоятеля. Несколько смущенно продолжил: – Да, отче. Дети, которых мы привезли, и будут постигать сложные науки, станут первыми кадровыми разведчиками. Мы решили попробовать... И если получится, можно ожидать высочайшего одобрения Его Императорского Величества! Верно, они сироты, их отцы сложили головы за Россию. Поэтому Россия и должна им помочь вырасти верным сынами, умело служить ей...

Настоятель бросил на гостя внимательный взгляд.

– Дело сие достойное. Не знаю, что уж из этого выйдет, но... я одобряю ваше решение. Хотя не перестаю считать, что Япония никогда не будет врагом России.

– Благодарствую, отче!

Вдруг поднявшийся шум за окном привлек внимание настоятеля, и он вместе с гостем обратил свое внимание на сад.

...А виноват был Сенька Картуз, самый старший среди мальчишек. Еще когда японские детишки выполняли упражнения, Сенька то и дело выкрикивал:

– Гляди, штаны у них короткие, а платья как у баб! Да еще перепоясались!

– Да они все так ходят! – возражал ему кто-то из мальчишек. – У нас на Сахалине их полно, тоже в таких платьях!

– Бедные все, да?

– У них даже император так ходит.

– Бреешь, сопливый, бреешь! Император в платье не ходит! – потешался Сенька.

– Ходит, ходит! Зуб даю.

– Вот я его тебе и выбью, сопливый!

Потом, когда японцы бросали друг друга на землю и били руками друг друга (правда, не в полную силу), Сенька презрительно сплевывал:

– Молотят, как мельница! А по носу вдарить не могут. Слабаки! Только пихаются!

– Это дзю-дзюзу... борьба ихняя.

– Это ты тоже на Сахалине видел?

– Ага. Один узкоглазый как вдарил рукой по доске, она пополам!

– Рука?

– Доска!

Сенька недоверчиво хмыкнул, покосился на японских детей.

– Доска!.. Ох брехун ты сопливый.

– Я не сопливый! Вась, скажи!

Взгляды мальчишек перешли на сидящего с краю паренька. Ростом он уступал Сеньке, но был плечистым, крепким. Вася единственный не был сыном солдата или унтера, однако как-то попал в группу и сперва мало с кем разговаривал. Ребята к нему не лезли, и даже Сенька обходил стороной.

На вопрос Вася не ответил, пожал плечами. Ломают доски японцы или нет, он не знал.

– Вот и выходит, что ты врешь, сопливый! – торжествующе проговорил Сенька. – На тебе щелбан за это!

Он ловко стукнул соседа по лбу, потом отпрыгнул в сторону и стал изображать движения японских учеников, строя дурашливые рожицы и взвизгивая.

Учитель закончил занятие и ушел из сада, а японские детишки все еще ходили по полянке, взмахивая руками. Сенька вдруг выскочил на поляну, оттянул пальцами кожу в уголках глаз, став похожим на японца, и задрывал ногами.

Русские мальчишки покатались со смеху. Вася тоже улыбнулся и вдруг заметил на балконе японскую девочку лет десяти. Она смотрела вниз и чему-то улыбалась. Потом перехватила взгляд Васи и показал ему язык.

Сенька продолжал махать ногами, а потом прыгнул к одному из японских детей и стал кривляться перед ним.

– Сай-со-тай-то-касы-масы! – дурачился он. – Я тоже дзю-бзю могу!

Японские ученики неодобрительно смотрели на Сенькины выкрутасы, а потом один из них подошел к Сеньке и что-то сказал.

– Сопливый, что этот узкоглазый лопочет?

– Я не сопливый! – обидчиво воскликнул мальчик. – Он недоволен.

– Ща будет доволен. На, япоша!

И Сенька с силой толкнул японского ученика ногой в бедро. Тот отступил на шаг, что-то прошипел и вдруг неувовимо ударил ногой в живот Сеньке. Тот свалился на землю, зажал живот руками и заорал.

– Япошки наших бьют! – враз закричали несколько русских пацанов. – Меси их!

По такой жаре драться особо никому не хотелось. Да и Сенька, чудило, сам виноват, зачем полез? Но клич брошен, и сидеть на месте, когда все дерутся, нельзя.

Русские мальчишки бросились на японских. Завязалась куча-мала. Русские азартно размахивали руками и сопели. Японцы дрались молча. Они ловко ускользали от захватов, метко били и только шипели, когда получали удар.

Несмотря на численное превосходство русских, японские мальчишки постепенно одерживали верх. Вскоре на ногах остались только трое японцев и один Вася.

Он полез в драку самым последним, без всякого желания, и только когда заметил взгляд той девчонки с балкона. Она смотрела на него с жалостью, а Вася жалости не терпел.

Он бил расчетливо и нескольких японцев свалил, но и сам получил по лицу и по животу. Потом кто-то ловко перебросил его через бедро, но Вася вскочил, дал обидчику хорошего леща и только сейчас заметил, что стоит один против троих противников.

Утерев кровь с лица, Вася сжал кулаки. Победить сил не хватит, но отступать он не собирався, просто не умел.

В этот момент в сад забежал учитель. Он что-то громко выкрикнул. Японские детишки мигом повскакивали, правда, кое-кто стоять прямо не мог, кривился набок.

– А-аттавить! – раздался рык Виктора Сергеевича. Тот тоже выскочил в сад и подал команду. – Назад! Прекратить драку!

Русские мальчишки вставали неохотно, а кто-то остался сидеть, зажимая разбитый нос или губу. Сенька так и вовсе лежал и стонал.

– Вы что, орлы, воевать с ними собрались аль как? – не снижал голос Виктор Сергеевич. – Так мир у нас. С чего начали-то? А?

Взгляд офицера остановился на Васе, но тот пожал плечами и посмотрел на балкон, где стояла девочка. Та покачала головой, показала ему язык, а потом убежала.

– Не по-нашему это, толпой на нескольких. Не стыдно?

Следом за Виктором Сергеевичем в сад вышел и настоятель. При виде его даже Сенька вскочил на ноги и виновато повесил голову.

– Сила вам, отроки, дадена, чтобы добрые дела творить. А разум, чтобы думать, что творите, – укорил мальчишек отец Николай. – Ишь что вздумали, забижать других! Ан не вышло, а? Не вышло?

– Не вышло, отче, – прогундосил Сенька.

– То-то. Их меньше было, а вас победили! Потому как ученые они даже драке.

Настоятель подошел к японскому учителю, тот склонил перед отцом Николаем голову и что-то сказал. Николай ответил.

Виктор Сергеевич опять посмотрел на Васю.

– Ну что, и впрямь вас победили японцы.

– Меня не победили! – упрямо проговорил Вася.

– Но дрались они здорово?

– Здорово, – согласился мальчик.

– А хочешь так научиться?

Вася бросил взгляд на японских мальчишек, что стояли в ряд перед своим учителем, и кивнул.

– Хочу.

– Ну-ну... тут одной силы мало, тут умение нужно. И терпение.

– Я вытерплю.

Вася покосился на балкон. Там никого не было. Лицо мальчика покраснело, он упрямо повторил:

– Я смогу!

– Вот молодец! – Виктор Сергеевич ласково провел ладонью по коротко остриженной голове ребенка. – Я скажу отцу Николаю, чтобы он попросил этого японца взять тебя в ученики. Хочешь?

– Да.

Взгляд офицера потеплел. В пареньке виден характер, да и силой не обижен, ведь и впрямь выстоял против японских учеников.

– Как тебя зовут-то?

– Вася... Вася Щепкин. Вы правда попросите?

К ним подошел настоятель. Горестно покачал головой.

– Дети неразумные! В кулачки норовят, словом не умеют. Что сей отрок натворил?

– Да вот наш смельчак хочет учиться этой борьбе.

Отец Николай недоверчиво посмотрел на Васю.

– Учитель Сато рассержен... правда, на своих. Говорит, что те не должны были вступать в драку, это ниже их достоинства. Вон как завернул!

– Почему это? – не понял Виктор Сергеевич.

– Мол, самый лучший бой тот, который не начат.

Виктор Сергеевич покачал головой, оглянулся на учителя Сато. Тот все выговаривал своим ученикам, а мальчишки знай кланялись и что-то коротко отвечали. Дисциплина, японская!

– Надо и наших их борьбе поучить. Пригодится, – с неким намеком произнес Виктор Сергеевич. – Вот и желающий есть.

Настоятель намек понял, вздохнул.

– Чтоб его Сато обучал?.. Не знаю. – Он внимательно посмотрел на мальчика. – Если только ты попросишь у него прощения. И у его учеников.

Вася недовольно поджал губы. Он не привык извиняться перед кем-либо. Не так его покойные родители учили.

Взгляд мальчика скользнул по разбитому лицу Сеньки, по взъерошенным приятелям. Опять перешел на пустой балкон. Потом вернулся к настоятелю и его гостю. Взрослые смотрели на него требовательно и строго.

– Если надо, я попрошу прощения! – вдруг заявил мальчик. – Честно!

Лицо настоятеля озарилось улыбкой. Он погладил Васю по голове и вздохнул:

– Хорошо, отрок, я верю тебе!..

Часть первая

1

К начальнику контрразведывательного отделения штабс-капитан Щепкин прибыл точно в указанный срок. Знал, что полковник Батюшин не терпит разгильдяйства, а опоздания числит среди самых больших нарушений дисциплины. И карает за них со всей строгостью. Хотя и не всегда. Но угадать, как выйдет на этот раз, Щепкин не мог, поэтому и поспешил явиться вовремя.

Еще утром при телефонном разговоре штабс-капитан уловил в голосе начальника нотки раздражения и теперь ждал нагоняя. Правда, причин для него вроде бы не было. Но тут пока не услышишь, не поймешь.

Батюшин встретил штабс-капитана сидя за столом. На приветствие кивнул, указал на кресло. А когда Щепкин уселся, вдруг вскочил, обошел стол и встал напротив подчиненного.

– Поздравляю следующим чином, господин капитан! – весело проговорил полковник. – Приказ пришел еще вчера, но я уж решил отложить поздравления до утра!

Щепкин сперва не поверил своим ушам. Потом вскочил, выпятил грудь, набирая воздуха для традиционного ответа, и выпалил единым духом:

– Служу Государю Императору и России!

Полковник пожал руку новоиспеченному капитану, усадил обратно, достал из шкафчика графин с коньяком и две рюмки.

– Извини, что накоротке и не за столом... прими мои поздравления, капитан!

Они выпили, по европейской традиции, не чокаясь, а только отсалютовав друг другу подъемом рюмок. Коньяк обжег горло и мягко скользнул в желудок. Щепкин поставил рюмку на стол, выдохнул.

– В двадцать семь лет и капитан! – качнул головой Батюшин. – Быстро растете, сударь Василий Сергеевич. Я-то в ваши годы только-только из поручиков вышел. Следующего чина пять лет ждал. Впрочем, и время иное, военное. Тут год за три идет, а то и за четыре.

Батюшин вдруг подмигнул собеседнику:

– Признайтесь, капитан, разноса ждали?

Щепкин смолчал, посмотрел на начальника.

– Да-да, каюсь, излишне сурово с вами говорил утром. На то были свои причины. И вы к ним отношения не имеете. Хотя... теперь, наверное, имеете точно.

Батюшин замолчал, посмотрел на графин, видимо, думая, зайти ли по второй, но опять скоромиться не стал, убрал графин в шкаф. Покашлял, сел за стол и выложил на него руки.

Щепкин понял, что торжественная часть завершена, вспомнил сетования полковника, что мол, не за накрытым столом в ресторане отмечают, и настроился на деловой тон. Судя по всему, после пряника последует кнут.

– Есть решение использовать вашу группу для борьбы с революционерами и уголовными преступниками.

– Как? – воскликнул Щепкин, от изумления перебивая начальника.

Батюшин нахмурился. Излишней вольности подчиненных он не любил, хотя позволял многое.

– Виноват, господин...

– Ладно, ладно! – махнул рукой полковник. – Ты не ослышался. Рэ-во-лю-цио-нэры!

Он произнес это слово по складам, напирая на «э», явно копируя кого-то из государственных чинов, коих не особо и жаловал.

– Эсеры, меньшевики, анархисты... Не смотри на меня так, капитан! Я не выжил из ума и помню, чем занимается мое отделение! Шпионы, агенты, заграничные подлецы! Да только вот так выходит, что эсеры эти проклятые по одному с ними рангу проходят. Не понял?

Щепкин позволил себе покрутить головой и только потом ответить:

– Нет... никак нет, не понял.

– Тогда слушай внимательно. Большая часть всех этих радетелей свобод, «защитничков» народа и пламенных патриотов состоит в тесной связи с заграницей. Оттуда и денежки текут, туда они удирают, когда здесь им жандармы и охранка на хвосты наступают. Опять же, оружие они везут из-за границы. Думаешь, в Европе им никто не помогает?

Щепкин молчал, внимая словам полковника. На вопросы не отвечал, зная, что они большей частью риторические.

– Раньше-то нас эти отщепенцы мало интересовали, своих забот хватало. А как вспыхнула война, заграничные разведки мигом сообразили, как им наладить работу в России. Что их агенты сделать не могут, делают революционные активисты. За плату, само собой. И плату немалую! Пришла пора нам этих... иуд потрясти! Взять за горлышко! Их контакты, связи, выходы на шпионов иностранных – все нас интересует. Но особенно, и это даже важнее прочего, – контакты в уголовном мире. Понимаешь?

Это уже был вопрос ему. И Щепкин ответил:

– Понимаю, господин полковник.

– Изволь пояснить.

– Это хоть и не наша епархия, но все же... Революционерам для работы нужны средства. И немалые. Заграница столько денег не даст, приходится изыскивать их здесь. Нападения на банки, почту, на конвои, как у них говорят – эксы! Вот тут уголовники им и помогают. А еще по своим каналам перевозят оружие, литературу, листовки там всякие, воззвания. Да и малины свои под сходки отдают, прикрывают от слежки. Ну и прочее.

Батюшин довольно покивал.

– Верно излагаете, сударь вы мой! Верно! Спелись, как говорят артисты, спелись субчики! Революционеры и преступники! Порой и понять сложно, кто же это – простые налетчики или интеллигентская шваль, что вопит о свободе, но забывает, о какой именно. Грабить и убивать? Ладно, капитан, раз ты и сам все знаешь, значит, понимаешь, как важно поработать в этом направлении. Что ты хотел спросить?

Видимо, что-то отразилось на лице Щепкина, раз полковник задал вопрос.

– Осмелюсь уточнить, против кого же нам работать? Что-то конкретное или?..

– В корень зришь! Что ж, речь идет о местных преступниках и об их связях с революционерами.

– С кем именно? С большевиками?

– Нет, – поморщился полковник. – Эти чистоплюи, идеалисты. Террор отрицают, эксы не проводят. Действуют больше убеждениями, словами. «Правду» свою шлепают и распространяют. Они руки в крови не пачкают. Хотя по мне, опаснее прочих. Ибо мутят головы народу, а это страшнее взрывов и стрельбы. Помяни мое слово, капитан, большевики еще себя покажут.

Полковник взял папку, что лежала у него под рукой, раскрыл.

– Нас интересуют эсеры. Вот там-то вся гниль и собралась. В крови по уши, лозунги бросают – аж волосы дыбом встают! А главное – они-то с уголовниками и завязаны, давно уже! Наши... хм, коллеги... – Батюшин произнес это слово с долей иронии, однако ничего большего себе не позволил, – жандармское управление раскопало тут ниточку одну. От местной шантрапы ведет через эсеров к шпионам.

– Чьим? – вырвалось у Щепкина.

Он тут же прикусил язык, но полковник не обратил внимания на вольность.

– К германским, конечно. Хотя, может быть, и к австриякам! Пока не ясно. Жандармские с ними-то не тягаются, а нам сам бог велел. Ну как поймаете мы эту ниточку и начнем мотать? Так и выйдем на сеть шпионов. В столице они наверняка сидят, всех не выловишь. А тут речь может идти не только о чисто шпионских играх, а о терактах! Как бы еще не против семьи Его Императорского Величества! – Полковник позволил себе легкий поворот головы к стене, на которой висел портрет Николая Второго. – Конечно, это догадки. А вот разгадку ты мне, господин капитан, и отыщи! Работать тебе и твоей группе вместе с жандармскими и с Особым отделом Департамента полиции. Они уже предупреждены, окажут, так сказать, содействие. Какие вопросы будут – обращайся. Но помни, отыскать нить ты обязан в самые короткие сроки. Сам понимаешь, война. Некогда баклуши бить! – Полковник закрыл папку, помолчал, нахмурил брови и вдруг проговорил: – Честно говоря, я этих эсеров вместе с прочими революционерами опасюсь даже больше, чем всю кайзеровскую армию. Ты же знаешь, самый опасный удар тот, что в спину. А?

– Верно, ваше высокоблагородие!

– Ну коль верно, ступай выполнять приказ, господин капитан... кстати, теперь тоже ваше высокоблагородие.

Когда Щепкин откланялся и уже открывал дверь, Батюшин вдруг сказал:

– А свое капитанство обмыть не забудь. А то удачи не будет!..

От начальника Щепкин вышел несколько растерянным. Новое задание хоть и было понятным и важным весьма, однако сулило хлопоты, с которыми раньше штабс-капитан, пардон, уже капитан, не сталкивался.

Никогда прежде Щепкин с преступностью дела не имел, если не считать случая в Хабаровске три года назад. Тогда Щепкин присутствовал на закладке моста через Амур и в суматохе празднества угодил в ловко подстроенную ловушку местных налетчиков. Эпизод вышел скорее комичным для него. А вот для троих неудачливых бандитов трагическим. Двое угодили в лечебницу, а третий стал заикой. Но то было давно.

А теперь предстояла новая работа в той области, о которой он, как и каждый обыватель империи, знал только из газетных сообщений да досужих слухов.

«Начинай размышления о будущем с воспоминаний о прошлом, – вспомнил вдруг Щепкин изречение старого учителя Сато. – Это успокоит твой дух и направит мысли по нужной дороге».

Его первый наставник в пути дзюдо частенько приводил различные высказывания, обычно упоминая авторов изречений. Но об авторе этих слов он не упоминал никогда.

Повзрослев, Василий понял, что изречение принадлежит самому Сато. А тот из скромности никогда не говорил об этом. Скромность сэнсэй Сато почитал прежде других добродетелей человека.

«Домой, – подумал Щепкин, садясь в пролетку. – Празднование чина подождет. А со своими встретимся вечером, тогда и поговорим. Не забыть только телефонировать Гоглидзе, чтобы знал, где я. На всякий случай...»

2

Щепкин снимал второй этаж в частном доме, владельцем которого был отставной подполковник-артиллерист. Спальня, гостиная, рабочий кабинет, бывшая детская, превращенная

в гимнастический зал, где стояли шведская стенка с турником, брусья, набор гантелей и гирь. В углу висел боксерский мешок, на полке лежали несколько пар боксерских перчаток.

Плату за жилье владелец брал умеренную и уже намекал, что готов и вовсе продать второй этаж по сходной цене. Но Щепкин пока не спешил обзаводиться собственным жильем. Прошлая кочевая жизнь давала о себе знать, и капитан не был уверен, что проживет в столице долго.

Тому подтверждением были скудно обставленные комнаты. Только в гостиной Щепкин устроил все по порядку, тут стояли диван, кресла, стол и шкаф. Хотя гости здесь бывали не больше десятка раз.

Порядок поддерживала горничная, которую присылал хозяин дома. Она же готовила завтрак, а обедал и ужинал капитан в городе.

Войдя в рабочий кабинет, Василий прошел вдоль шкафа, выглянул во двор, потом уселся в кресло и уставил взгляд на стол. Слева лежала стопка чистой бумаги и папка, справа стояло бюро. Центр занимала пишущая машинка «Ремингтон 10» – отличная модель, специально изготовленная для России. В каретке торчал лист.

Капитан достал его, развернул. Вверху был небольшой рисунок – одетый в тренировочное кимоно борец бросал другого задней подножкой. Внизу была подпись от руки – «недогруженная тяга приведет к обратному броску соперником... лучше делать прием из более низкой стойки?.. и сразу на болевой?..»

Василий открыл папку. Там уже было листов тридцать, все с рисунками и с подписями. Он положил новый лист сверху, закрыл папку. Постучал по ней пальцами.

Дзюдо. Дзю-до, как его еще называют. Борьба, ставшая для него с детства смыслом жизни. С нее все началось шестнадцать лет назад. С того времени Щепкин и вел счет своей сознательной жизни.

...В духовной семинарии он учился у сэнсэя Сато. Самозабвенно постигал секреты борьбы, отдавая этому все время. Иногда даже в ущерб другим дисциплинам. Хотя успевал по ним весьма превосходно.

Видимо, его усердие произвело на Сато впечатление, и тот рекомендовал Василия для поступления в Кодокан – высшее учебное заведение дзюдо, созданное основателем борьбы Дзигаро Кано.

Это произошло уже после Русско-японской войны, когда отношение к выходцам из России в Стране восходящего солнца было резко отрицательным. Что новичок Кодокана и ощутил на себе в полной мере. Его выбирали для отработки техники опытные ученики, на нем показывали приемы наставники. Сотни раз он падал на жесткий татами, сотни раз получал удары. Его били, душили, ломали руки. Японцы словно вымещали всю ненависть на этом «русском медведе», который посмел поступить в заведение, где до этого иностранцев почти не видели.

Он терпел. Вставал после бросков, толчков, подножек. Поправлял кимоно и кашлял после удушающих. Разминал натужно ломившие руки и спину. Окатывал ледяной водой запястья с содранной кожей. Как-то его бросили так, что сломали два ребра. Но он опять выдержал.

Упрямый характер не позволял ему отступать. Даже когда не хватало сил для ритуального поклона, даже когда соперник превосходил его умением. С детства воспитанный не сдаваться, Василий не мог позволить себе ни одного шажка назад.

Он вставал и шел к сопернику, копя силы для приема. А когда сил не было – копил решимость.

А потом его вдруг оставили в покое. Еще вчера зло скалившиеся соперники отходили, выбирали себе других учеников. Едкие усмешки и бранные слова пропали.

«Русский медведь» выучился. И стал бить своих обидчиков. Одного, второго... всех. Через два года после поступления в Кодокан лично Дзигаро Кано повязал ему черный пояс и присвоил звание мастера. Василий Щепкин получил первый дан.

А до этого одержал три победы подряд над обладателями мастерского звания, не сходя с татами. Победил, сжав зубы и преодолевая боль в растянутой мышце руки и отбитой ноге. Выстоял и заслужил одобрительные возгласы зрителей и комиссии.

Первый русский, удостоенный такой чести. И всего четвертый европеец.

Окончив Кодокан, Василий вернулся в Россию в тысяча девятьсот десятом году. И сразу был взят в военную разведку сперва на должность переводчика, а потом штатного сотрудника регистрационного отделения. Чуть позже Щепкина как знатока Японии определили в штат контрразведки.

Щепкин служил на Дальнем Востоке, где шла напряженная борьба с японскими шпионами. Там он набирался опыта и постигал сложную науку противостояния вражеским агентам.

Работы у молодого офицера хватало, но он всегда находил время для тренировок. Дзюдо стало его жизнью, вошло в кровь, в натуру. Щепкин с одобрения начальства создал спортивный кружок любителей борьбы, где преподавал ученикам премудрости дзюдо. Во Владивостоке кружок пользовался огромной популярностью.

А потом была командировка в Японию на полтора года. И новое посещение Кодокана, где Василий сдал сложный экзамен на второй дан. Щепкин достиг столь впечатляющих успехов, что о нем даже написали в журнале. Второй дан из пяти возможных!¹

Не меньших успехов достиг поручик Щепкин на стезе разведки. Он налаживал контакты, собирал сведения, заводил полезные знакомства среди столичных чиновников.

В Россию Щепкин вернулся уже после начала войны, а через полгода вдруг был переведен в Петроград (бывший Санкт-Петербург) и повышен в чине. Высокое начальство отметило заслуги молодого офицера и решило использовать его опыт в борьбе против вражеских шпионов глубоко в тылу.

Сперва Щепкину было непросто. На Дальнем Востоке он чувствовал себя как рыба в воде. Знал Японию и японцев, понимал противника и умело противостоял ему. А здесь все новое, незнакомое и нужно было войти в курс дела, освоиться, понять.

Но время шло, и Василий привыкал. Появились результаты, пришел успех. Работа вошла в нормальное русло. И тут вдруг новое задание – революционеры и уголовники! Начинать сначала? Или работать как раньше, но с учетом специфики контингента и с помощью полиции? Пожалуй, второе вернее. Да и времени на раскачку нет. Об этом и говорил Батюшин – война не терпит промедления.

Мысли из прошлого плавно вернулись к настоящему. Щепкин глубоко вдохнул, медленно выдохнул через сжатые губы и положил руки на подлокотники кресла.

Что ж, с чего начинать, теперь он знает. Можно переходить к работе. Спасибо мудрому сэнсэю Сато, его изречение помогло.

Но работа будет завтра. А сегодня... раз полковник рекомендовал, Щепкин устроит небольшие посиделки с сослуживцами. Надо заказать отдельный кабинет в ресторане и распорядиться насчет ужина.

Василий подошел к гардеробу, открыл дверцу. Посмотрел на мундир. Погоны на нем еще старые. Надеть к ужину? Но мундир Василий надевал всего-то пять-шесть раз. Больше привык к гражданскому. И хотя нынче в столице военных полно, все же не стоит лишний раз привлекать к себе внимание. Служба у них тайная, так что надо соблюдать правила.

¹ В то время в дзюдо было 5 данов, а не 10, как сейчас.

Щепкин подошел к телефону и попросил соединить его с «Невским спортивным обществом», в здании которого и была штаб-квартира его группы.

– Але! – отозвался сочный мужской баритон. – Спортивное общество слушает.

– И повинуюсь, – пошутил Щепкин. – Георгий, это я.

– А-а, господин штабс-капитан...

– Во-первых не «а-а», а «рад стараться»!

– А во-вторых?

– Семь вечера, в «Палкине» на Невском. В цивильном. Все понял, генацвале?

– Ничего не понял, но все ясно. Доведу, объясню, привезу.

– Исполняйте, ротмистр!

Первый помощник Щепкина ротмистр Гоглидзе отключился. Видимо, пошел оповещать остальных. Что ж, пусть готовятся.

Василий посмотрел на часы и пошел в свой домашний гимнастический зал. Есть время на личную тренировку, значит, надо хорошенько поработать.

А потом в ресторан, где будут ждать сослуживцы и друзья – сотрудники особой группы при контрразведывательном отделении штаба столичного военного округа.

3

Группу создали всего полгода назад в качестве эксперимента секретным приказом по Главному управлению Генерального штаба, но приказ за пределы Петрограда не вышел. Это была первая попытка учредить в штате контрразведки некое подразделение, на плечи которого ложилась бы большая часть активной работы с вражескими шпионами, диверсантами и агентами. Раньше такие задачи выполняли либо сами сотрудники, либо жандармы. Но теперь начальство вдруг решило все делать своим силами, без привлечения посторонних.

Тут кстати и подвернулся Щепкин. О нем уже ходили легенды, особенно после работы на Дальнем Востоке. С японскими системами борьбы в России были знакомы лет тридцать. Но больше на уровне слухов и догадок. Всплеск интереса пришелся на годы войны с восточным соседом. Пленные японские офицеры показывали приемы, рассказывали о дзю-дзюцу, карате, учили желающих. Но это был энтузиазм одиночек. А тут вдруг выпускник Кодокана, с черным поясом и к тому же русский!

Не прошли незамеченными и его занятия в кружке во Владивостоке, и участие в акциях по задержанию шпионов и диверсантов. И когда встал вопрос о создании новой штатной группы, кандидатура командира ни у кого сомнения не вызвала.

Людей в группу Щепкин подбирал сам, с учетом мнения начальства и кадровиков. Так в Питер попал штаб-ротмистр Гоглидзе. Княжеского рода, из богатой знатной семьи, Георгий все детство провел в Москве, а в двенадцать лет впервые увидел Тифлис и Кахетию. Окончил офицерское училище, пошел в драгуны. От природы сильный и ловкий, стал отменным рубаккой. Выигрывал турниры по фехтованию, побеждал на соревнованиях по рубке лозы. А еще превосходно знал приемы национальной борьбы чигаоба – в Кахетии и научился.

Успел повоевать против японцев, свой первый орден заработал там. В рукопашном бою зарубил одного японского офицера, а второго взял живым. Японец потом допытывался, кто смог победить его, ведь он был сыном мастера кэндзюцу – боя на японских двуручных саблях – катанах. Все просил Гоглидзе показать еще раз свои приемы. Юный корнет с удовольствием показывал, приговаривая: «Лишь пошел бы урок впрок...»

После войны Гоглидзе служил в кавалерии. Но мирный быт быстро надоел, и он уже хотел подать в отставку, когда вдруг поступило предложение перейти в разведывательное отделение. Склонный к авантюрам штаб-ротмистр дал добро и вскоре познавал тонкости новой службы.

Ко всем прочим достоинствам имел Георгий броскую внешность. Рост, плечи, гордая осанка, орлиный взгляд. Вдобавок красивое лицо, голубые глаза – наследство матери, урожденной русской баронессы – сотворили из него покорителя женских сердец. Из-за чего в разные годы службы у Гоглидзе бывали проблемы – то жена товарища по полку слишком пристально смотрит на него, то дочь командира или какого-то купца готова отдать ему девичью честь.

Шлейф пикантных историй тянулся за Гоглидзе и после перехода на новое место. Хотя штаб-ротмистр и сам страдал от излишнего внимания дам. По этой причине Щепкин сперва не хотел брать его к себе. Но послужной список впечатлял, а знание приемов борьбы и слава отменного фехтовальщика заставили закрыть глаза на амурные похождения горячего офицера.

Кстати, звание ротмистра Гоглидзе получил три месяца назад и одно время испытывал чувство неловкости из-за того, что начальник младше его по чину. Ведь ротмистр в кавалерии приравнялся к капитану в пехоте. Щепкин только хмыкал, а Гоглидзе упорно называл его «командир» или «начальник».

Еще одного сотрудника порекомендовал Батюшин. Поручик Григорий Белкин из жандармского корпуса. Молодой офицер с опытом работы, прошел курс инженерной подготовки, хорошо разбирается во взрывчатых веществах. Лингвист – знает четыре языка. Да еще чемпион столицы по боксу. На его счету задержание немецкого агента и его подручных, собиравших сведения о тыловом снабжении армии, да еще поимка опасного террориста-бомбиста. Его Белкин вырубил отменным хуком за секунду до того, как тот хотел бросить портфель с бомбой в карету армейского генерала. Видать, сильно был зол поручик, ибо ударил так, что сломал террористу челюсть. Бомбист получил двойное сотрясение мозга – от хука и от удара при падении затылком о тротуар – и тронулся умом. Во всяком случае, вместо тюрьмы его поместили в дом для умалишенных.

Этот эпизод впечатлил Щепкина, и Белкин вошел в состав группы. Знание языков тоже было нелишним, все легче изъясняться со шпионами без услуг переводчиков. Сам Щепкин немецкий только изучал, а хорошо знал японский и английский.

Четвертого сотрудника прислали из разведки. И его появление сперва несколько вывело Щепкина из равновесия.

...Она родилась в Германии, в небольшом тихом уютном городке, что дало ей право на германское подданство. Ее появление на свет стало следствием короткого, но бурного романа молодого прусского баронета и совсем юной дочери владельца передвижного цирка-шапито, имевшей русско-польские корни.

Баронет успел послужить в армии, получить две награды и ранение, поссориться с отцом и на этой волне уплыть из родного дома в странствие. Дочь хозяина шапито достигла возраста в шестнадцать лет, была писаной красавицей и самой молодой артисткой в труппе.

Их встреча произошла случайно, причем не в цирке, а в ресторане, куда циркачей пригласили отпраздновать дебютное выступление в городе. Как это бывает, любовь вспыхнула внезапно. Видный баронет и юная красавица очень быстро нашли не только общий язык, но и место для свиданий.

Отец дочери, известный в цирковом мире человек, обладал одной редкой способностью – не пороть горячку даже в самых сложных ситуациях. Роман дочери он не одобрил, но и мешать молодым не стал. Все же не безденежный шалопут, дворянин и наследник немалого состояния! Пусть и в ссоре с отцом, так не навечно же!

Нет, отец отлично понимал, что ни о каком брачном союзе и речи быть не может. Однако даже такой случайный роман во вред не будет. Это мнение он изменил чуть позже, а пока просто не мешал молодым и ждал развязки.

А потом было расставание. Баронета разыскал отец и велел вернуться домой. Цирк заканчивал гастроль и собирался уезжать в Польшу.

Влюбленные пролили немало слез (юная красавица) и дали немало обещаний (в основном баронет). Кроме обещаний, он еще дал ей денег и свой адрес. На том они и расстались.

Через два месяца дочка хозяина цирка потеряла сознание прямо на арене. Вызванный доктор сообщил, что она на третьем месяце и любые физические нагрузки теперь противопоказаны.

Реакцию отца на столь неоднозначную новость не трудно было предугадать. Однако он быстро отошел и стал готовиться к неминуемому статусу деда.

А дочка, пролив немало слез, стала со страхом и надеждой смотреть на свой растущий живот.

Так и появилась на свет Диана – божественная. Имя выбрала ей мать, предвидя, что дочка станет божественно красива. Пожелание сбылось, Диана росла писаной красавицей, взяв от матери прелестное личико, а от отца его голубые глаза.

К слову, отец узнал о своем новом статусе через год. Вопреки обыкновению, дочь признал и открыл на имя бывшей возлюбленной приличный счет. Однако видеть Диану не пожелал. Он ждал свадьбы и не хотел осложнений.

До десяти лет Диана ездила с цирком, а потом мать отдала ее в гимназию. Девочка училась прилежно, постигая науки, но тяги к оседлой жизни не испытывала. Привычка странствовать от родителей перешла и к ней.

Цирковое детство не прошло даром. Диана выучилась жонглированию, акробатике, точно метала ножи, вилки и все, что могло воткнуться в мишень. Была ловка, обладала отточенной реакцией и чувством равновесия.

Многие годы плотного физического развития превратил ее фигуру в совершенство, что вкупе с броской внешностью стало настоящим оружием молодой девушки.

Но карьера циркачки ее не привлекала. Как и участь домохозяйки – жены добропорядочного бюргера или мещанина. Дворянское происхождение вроде бы позволяло рассчитывать на большее, однако статус незаконнорожденной висел дамокловым мечом. Ее бы не приняли в высшем обществе, разве что в качестве спутницы какого-нибудь барона или графа.

До двадцати двух лет она странствовала по Европе. Выступала как певичка (голос был вполне звучный), играла на бирже. Пару раз крутила романы, однако исключительно с отпрысками дворянских родов. Но сама бросала их, помня о примере матери. Не хотела слышать покаянного «прости» и торопливого бормотания «сколько ты хочешь?».

Отец периодически подкидывал деньги, но видеть дочь упорно не желал. Помня старый договор, Диана и не пыталась найти его. Понемногу кочевая жизнь ей надоела, но чем занять себя, она решительно не знала.

Как раз в этот момент молодая девица и попала на глаза одному из резидентов русской разведки в Австрии. Изучив девушку и узнав ее прошлое, резидент сделал предложение, от которого Диана не стала отказываться. Так ее жизнь совершила головокружительный вираж.

Материнскую фамилию Ранте она сменила на звучный псевдоним Холодова. Правда, оставила отчество Генриховна. Стала работать в качестве агента, отслеживая деятельность австрийской контрразведки. В ход пошли и ее яркая внешность, и веселый характер, и склон-

ность к авантюрам. Закрутила роман с одним капитаном, а потом и с полковником австрийской армии. Вытянула из них важную информацию и кое-какие документы.

Это был несомненный успех, и руководство Диану наградило. Но и австрийская контрразведка поняла, кто на самом деле эта знойная красавица-певичка, чьи прелести так манят офицеров и чиновников. Она тоже подготовила своеобразную награду. Однако Холодову вовремя эвакуировали в Россию и тем самым спасли от неприятной участи.

Так девушка попала в Санкт-Петербург. Ее взяли штатной сотрудницей сперва городского, а потом окружного отделения контрразведки. Определили агентом и дали чин губернского секретаря, что соответствовало званию подпоручика в армии.

Теперь она работала против иностранных шпионов в столице, удачно маскируясь то под гимназистку, то под дочь провинциального дворянина.

С началом войны вражеские шпионы резко активизировались, и работы у молодой сотрудницы прибавилось. За полтора года она сумела вычислить одного австрийского агента и обнаружить (вместе с другими сотрудниками) целую сеть немецких осведомителей из состава армейских тыловиков.

Довольное начальство хвалило усердного сотрудника и не забывало премировать. Холодовой светил следующий чин. И тут вдруг поступило предложение перейти в некую особую группу.

Со Щепкиным Диана познакомилась за два месяца до этого. Совершенно случайно, в театре, куда Холодова частенько ходила и по службе, и для удовольствия. Щепкин, конечно, на красивую девушку внимание обратил, однако дальше долгого взгляда не пошел. А вот Диана, как говорится, глаз на молодого человека положила. И на то была особая причина.

...Непорочной девицей Диана пробыла до семнадцати лет. А сразу после окончания гимназии позволила увлечь себя одному веселому студенту, показавшемуся ей милым и интересным. Их связь была недолгой и оставила не самые приятные впечатления об интимной близости. Следующий роман Диана позволила себе только через год, уже с офицером румынской армии. И тоже не испытала каких-то особых чувств. Хотя сам процесс принес неизмеримо больше удовольствия. Сказался немалый опыт партнера в амурных делах.

А в девятнадцать лет произошло то, что перевернуло все с ног на голову и навсегда изменило отношение Дианы и к мужчинам, и к близости.

Кем был тот незнакомец, она так и не узнала. То ли отпрыск знатного рода, то ли удачливый делец, то ли проходимец. Он уговорил ее посетить ресторан, а потом увез в какой-то загородный дом и фактически взял в плен. Выпившая больше обычного девушка позволила увезти себя, не особо и возражая. Когда же двери дома захлопнулись за спиной, возражения больше не имели смысла.

Нет, он не набросился на нее, не стал срывать одежды и волоочь в спальню. Сперва они говорили, пили вино, закусывали сладостями. Потом он целовал ей руки, шею, плечи. А когда она размякла, перешел к губам.

Делал все неторопливо, осторожно, сдерживая страсть. Постепенно доводя девушку до иступления, до стонов и выкриков.

Ночь прошла как во сне, хотя они не спали. Вот тогда-то Диана и узнала, что такое на самом деле близость между мужчиной и женщиной и какая она может быть, если мужчина хочет доставить женщине неземное удовольствие.

Диана умирала и воскресала в его руках, почти теряла сознание и оживала от поцелуев. Ее бросало в жар, накрывало с головой волной блаженства. А потом сладкая нега разливалась по телу и не позволяла шевельнуть даже пальцем.

Она подчинялась его рукам, как дрессированная лошадь подчиняется наезднику. Выполняла все его желания, позволяла делать с собой такое, о чем никогда раньше не слышала и не думала, что это возможно. Смущение, сомнения, страх, пуританское воспитание куда-то пропали, остались только страсть и желание.

Двое суток они не выходили из дома. Двое суток не расплетали объятий ни в постели, ни в огромной ванной, ни за столом. Он кормил ее с рук, пил с ней из одного бокала, сам опускал ее в горячую воду и сам вытирал распаренное тело огромным полотенцем.

Она тоже кормила его с рук, подносила бокал с шампанским к его рту и целовала сильные умелые руки. Она была на вершине блаженства и не хотела, чтобы этот сон закончился.

А через два дня они расстались. Он подарил ей на память золотые сережки с изумрудами и долгий поцелуй. Сказал, что они никогда не увидятся, и попросил больше в этот город никогда не приезжать. Потому что он тоже сюда больше не приедет и хочет сохранить воспоминание о нем, как о самом прекрасном месте для любви.

Она сдержала обещание. Не пыталась потом разыскать его, не приезжала в этот город, хотя ее сюда и посылали по службе. Она навсегда сохранила воспоминание о двух днях блаженства, но, конечно, никому о них не рассказывала.

Эта встреча перевернула ее представление и о мужчинах, и о близости, и вообще об отношениях. На фоне героя своего романа все остальные представители сильного пола казались ей пресными и скучными. Никто не мог сравниться с ее любимым, никто не мог повторить такое, никто не мог зажечь в ее груди огонь страсти.

Романы, которые она крутила по службе, не вызывали у нее даже малой части той бури эмоций, что захлестнула тогда. Она была холодна, спокойна, расчетлива, полностью оправдывая новую фамилию.

Новых романов не заводила, даже когда тело настойчиво требовало улады. Отвергала попытки сблизиться и посторонних, и своих сослуживцев. Даже отвергла осторожные ухаживания непосредственного начальника. Отчего тот явно осерчал, хотя и держал себя в руках.

И в России ее не захлестнули новые чувства. Не попадался на глаза такой человек, который был бы способен затмить память о том единственном желанном.

А потом вдруг произошла встреча в театре. Диана перехватила взгляд незнакомца и неожиданно ощутила в груди тепло. Незнакомец смотрел на нее взглядом *того единственного!* Цвет глаз, их выражение, легкая полуулыбка на губах...

Нет, конечно, это был не он. Диана видела разницу – этот молодой человек выше, шире в плечах. Но вот глаза!.. И выражение на лице. Такой уверенности и внутреннего спокойствия Диана не видела больше ни в ком.

Она первой пошла на контакт, ловко уронив перед незнакомцем сумочку. Молодой человек проявил завидную реакцию и сумочку поймал. Диана поблагодарила и перешла в наступление.

Молодой человек оказался переводчиком с японского, служившим в какой-то канцелярии. Назвал себя Василием Щепкиным. Диана представилась курсисткой с Бестужевки², взявшей отпуск для ухода за больным дядей.

Их отношения начались не сразу, но быстро перешли в близкие. Диана с трепетом ждала этого, испытывая неожиданно для себя сильное волнение.

² Бестужевские курсы – высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (1878–1918).

Нет, он был другим. И в общении, и в постели. Не разочаровал, даже показал кое-что новенькое, явно из арсенала японских мужских салонов, в которых, видимо, частенько бывал. Но вел себя иначе, смелее и застенчивее одновременно.

Однако он него шла такая волна уверенности и надежности, что Диана разом позабыла и о несхожести Щепкина со своим идеалом, и о многом другом. И тут поняла, что влюбилась. Даже сильнее, чем тогда. Потому что эти отношения шли гораздо дольше двух дней и имели все шансы на успешное продолжение.

А потом Василий узнал, кто такая Диана на самом деле. А она узнала все о нем. Неожиданное раскрытие инкогнито странным образом охладило Василия. И хотя они не расстались совсем, но и прежних чувств не было. Диана терялась в догадках, но Щепкин молчал. И на все ее просьбы объяснить, в чем дело, отвечал одной фразой: «Не теперь».

...И вот неожиданный перевод в его группу и смятение, волнение, переживания. Щепкин против ее прихода не возражал. Знал о послужном списке Холодовой, о ее таланте и умении работать. Да и подготовка девушки была на высоте. Диана уверенно сидела в седле, виртуозно метала ножи, хорошо стреляла, прекрасно владела своим телом. Знала немецкий и польский, понимала английский. У цирковых борцов выучилась нескольким хитрым приемам и в принципе могла за себя постоять. Что как-то и продемонстрировала, ловким ударом отбив одному не в меру наглому и приставучему приказчику его причиндалы. Словом, была на своем месте.

Вот только проблем и головной боли лично капитану Щепкину иногда доставляла больше, чем все шпионы и агенты вместе взятые. Но с этим он был вынужден мириться.

4

Через два дня после разговора с Батюшиным Щепкин прибыл на Фурштатскую в губернское жандармское управление. Его принял помощник начальника управления подполковник Игнатьев.

Игнатьева капитан неплохо знал, тот год назад навел контрразведку на одного хитрого издателя, печатавшего кроме книг и прокламаций сборники вестей из уездов. А там помимо прочего были приведены точные данные о пропускной способности железной дороги, о характере перевозок и о воинских эшелонах. Издатель на проверку оказался немецким агентом с большим стажем, внедренным в столицу еще в самом начале века. Тогда сработали молодцы жандармского управления, а Щепкин лишь присутствовал при задержании.

Теперь расклад менялся.

Игнатьев усадил гостя за стол, приказал подать чай, а сам выставил на стол бутылку «Смирновской».

– С новым чином тебя, Василий Сергеевич, – добродушно усмехнулся Игнатьев, поднимая рюмку. – Эдак догонишь скоро.

Они чокнулись рюмками и выпили. Щепкин взял с тарелки небольшой бутерброд – посоленный и поперченный кусок черного хлеба с ломтем осетрины и долькой помидора. Игнатьев был мастак на такие выдумки и всегда выставял в качестве закуски что-то новенькое.

– Не в чинах счастье, Владимир Андреевич, – ответил капитан. – А в успехах службы нашей. Хотя рад, конечно.

– А вот с успехами пока не очень, – немного поскущнел подполковник. – Сам знаешь, сколько на нас свалилось с началом войны. Просвета не видно.

Щепкин знал за подполковником его грешок – вечно стучать краски и представлять все в черном свете. За это его не раз бранил начальник управления генерал-лейтенант Волков, правда, без зла.

Игнатьев заметил скупую улыбку на губах гостя, махнул рукой.

– Ну, будет! Обстановку и так знаешь, а плакаться не стану. Что ж, чин мы твой обмыли накоротке. Давай, что ли, к делу? Кузьма! – повысил голос подполковник. – Где ты там?

Пожилой унтер-офицер неспешно вошел в кабинет и замер у двери.

– Как чай?

– Готов.

– Ну так неси, чего же студить-то?

– С пряниками и бубликами прикажете? – невозмутимо осведомился унтер.

Игнатьев посмотрел на гостя, заметил гримасу на его лице и вздохнул:

– Только чай. С лимоном.

Унтер так же неспешно вышел.

– Вот наказание мне, – посетовал Игнатьев.

Щепкин терпеливо ждал. Знал, что подполковник не любит сразу переходить к делу, а исподволь готовится, предлагая гостю то рюмочку, то чай, то угощение.

Через минуту Кузьма внес поднос с сервизом, поставил его на дальний конец большого стола и неслышно вышел. Подполковник самолично разлил чай по чашкам, поколдовал с сахарницей и тарелкой с лимонами и довольный сел в кресло. Церемония закончена, можно и переходить к делу.

– Наши молодцы в этот раз утерли нос департаменту и раскопали один интересный моментик, – начал подполковник. – Есть в Питере такой лихой налетчик Козырь.

– Козырь?

– Колозорный Дмитрий Степанович, одна тысяча восемьсот восьмидесятого года, из купцов, окончил гимназию, поступал в университет, но попался на краже драгоценностей в доме друга и угодил в ссылку. Работал в Минске и Варшаве, а лет пять как перебрался сюда. За ним числятся шесть успешных налетов на ювелирные магазины, два нападения на почтовые кареты и вроде бы как дом в Москве, где он с подельниками взяли семейные драгоценности у некоего барона. Но сей фрагмент не проходит по картотеке.

– И что же сей лихач делает на свободе? – спросил Щепкин.

– Ждет нас, – блеснул зубами подполковник. – Его брали в пятом и десятом годах, один раз упекли на каторгу, но через два года заменили по причине слабого здоровья. Митенька наш страдает слабостью легких, студеный климат ему в тягость. Он даже справку себе выправил, что немощен аки старец.

– И он гуляет?

– Гуляет. Козырь при всех его недостатках обладает одним редкостным даром – людей не губит. Все его лихие дела проходили без крови. Ну там шишки и царапины не в счет. А греха смертоубийства на нем нет. Вот такой вот Митенька!

– И чем же он интересен нам?

– О! – подполковник поднял указательный палец. – А вот теперь самое интересное. Не далее как позавчера сей болезный вместе со своей кодлой наведались к ювелиру Штельману. Избавили его от груза камешков и золота на приличную сумму. Но дело даже не в этом. Штельмана и его жену, а также одного гостя убили! Сразу троих!

– Вот как? – поднял бровь капитан. – Оскоромился ваш херувим. Ну а мы-то тут причем?

– А при том, что сей Штельман уже третий год как состоит осведомителем жандармского управления. Через него мы имеем информацию по всем ювелирам столицы. А среди них хватает и немчур! И кое-кто из этой братии снабжает сведениями кайзеровскую агентуру. Сам

понимаешь, сведения у таких людей могут быть самые разные. Да и связи налажены не только в Питере, но и в других городах. А это уже сеть! Мало того, Штельман уже докладывал, что через некоторых его подопечных идут деньги эсерам. Знаешь, откуда идут?

– Из немецкого генштаба? – усмехнулся Щепкин.

– Именно! Мы уже вышли на след одной интересной партии...

– Эсеров?

Подполковник покачал головой.

– На этот раз оружия. С трофейных складов три сотни винтовок Манлихера укороченного образца ушли непонятно куда. Мы так подозреваем, либо революционерам, либо... – подполковник развел руками. – Вот на этом след обрывается. Штельман убит, его гость, к слову, пока не установленный, тоже убит. Цепочка прервалась. А сделал это наш безгрешный доньне Козырь. Почему, зачем?

– Думаешь, его навели?

Игнатьев пожал плечами, взял чашку, спохватился.

– Ты пей, а то остынет... навели, не навели... из сыскаго нам сообщили – Козырь встретился с неким человеком. Вроде бы эсером. И у него назначена новая встреча. Завтра.

Поняв, что подполковник подходит к сути дела, Щепкин напрягся.

– Так... что надо от нас?

– От вас нужны вы. Моих сокольников и тихарей из сыскаго опасно посылать, вдруг да их знают в лицо?! А ваша группа не засвечена, в городе никому не известна. Сходите, посмотрите, послушайте. Если Козырь действительно будет там... да еще с эсером... есть шанс провести его и узнать побольше. А?

– Что за место?

– Трактир «Мясоедов». Слышал?

– Слышал, но не бывал.

– Из тех заведений, что вертепом не называют исключительно по доброте душевной. Хотя и рабочие туда заходят, и приказчики, и из уезда. Но хватает и лихих людей.

– А что полиция за таким местом не следит?

– Следит в меру сил и надобности. Но то их забота. Я дам пару своих ребят из новеньких, они тоже не примелькались еще. Полиция выставит оцепление. Ну а если до дела дойдет... ты ж в столице первейший знаток японской борьбы. А? Как она там?.. Дзюу-дзюу?

– Дзюдо, – усмехнулся Щепкин. – Хорошо. План операции есть?

– Утром будет. Ты подходи часикам к десяти. У Козыря встреча вечером, как раз все обмозгуем и подготовим.

– Хорошо, – капитан встал.

– Ты чай-то допей! Хороший чай, – засуетился Игнатьев. – Или еще водочки?

– Хватит. Спасибо за угощение. Пора.

Щепкин пожал подполковнику руку и вышел из кабинета.

Несмотря на бодрый вид жандармского офицера, предстоящая операция не внушала капитану оптимизма. Неведомые налетчики и эсеры были незнакомы ему, а их связь с кайзеровской или австрийской разведкой выглядела более чем подозрительной. Сильней же всего напрягала перспектива похода в малознакомое место и участие в чужой операции в роли передового отряда.

Щепкин не привык играть втемную, но, похоже, выхода у него нет. И оттого настроение капитана было далеко не радостным.

5

К вечеру с Невы подул пронзительный студеный ветер. Он сбивал с деревьев последнюю листву, гнал по улицам пыль и заставлял прохожих опускать головы и ускорять шаг. Лошади от ветра чаще прядали ушами и недовольно всхрапывали, а извозчики громче обычного материли их, щелкая кнутами над головой и поминая то бога, то черта.

Людей в этот непогожий час с улиц как метлой вымело, и городские, недовольно сопя, в гордом одиночестве гремели сапогами, про себя кляня непогоду и страстно желая побыстрее попасть домой.

Три рослые фигуры нарисовались под фонарем у входа в трактир «Мясоедов». Судя по виду, это были рабочие с завода, да не простые трудяги, а мастера как минимум. Добротные сапоги, хорошего полотна штаны, короткие черные пальто, кепки с коротким козырьком. Они дружно покосились на скрипевший под навесом фонарь и подошли к дверям. Тот, что был в центре, ногой толкнул дверь и под нос прошипел:

– Совсем холуи обленились! Двери не открывают...

Тот, что был справа, бросил взгляд через улицу направо, где под аркой пристроилась крытая пролетка. Над крышей висел маленький фонарик, он едва освещал сторбленную фигуру на козлах.

– Порядок, прикрытие на месте.

– Ну тогда с богом...

Щепкин – это он был в центре – шагнул в раскрытую дверь. Белкин и Гоглидзе скользнули следом. Дверь со стуком закрылась, отрезав непогоду от приятного тепла внутри заведения.

Нижний зал трактира был заполнен почти полностью. Столики возле стен и перегородок занимали завсегдатаи, в центре сидели забежавшие перекусить приказчики мелких лавок, закончившие смену рабочие с фабрик и лотошники. В отличие от постоянных гостей, эта публика быстро набивала желудок горячей пищей, опрокидывала в себя стопку-другую холодной водки и уходила, освобождая место следующим визитерам.

Неподалеку от лестницы на второй этаж рядом со стойкой обосновался баянист, выводивший незамысловатые рулады. Звук баяна немного заглушали гомон и выкрики захмелевших посетителей, а также звяканье фужеров, вилок и ножей.

На вошедших внимание не обратили, только пара мимолетных взглядов скользнула по рослым фигурам визитеров. Стоявший неподалеку от входа половой поспешил к гостям, махнул рукой, указывая на свободный столик, и торопливо проговорил свое «Здрасьте-вам-рады-видеть-что-желаете...».

Щепкин, состроив на лице кислую мину, первым пошел за половым, ленивым взглядом окидывая зал. Сзади топали Гоглидзе с Белкиным, перебрасываясь пустыми словами:

– Горяченького бы навернуть с устатку...

– А сперва водочки. Че-та людей полно... накурили, остолопы...

Белкин закашлялся, пару раз стукнул себя в грудь и поморщился. Зажатой в руке кепкой махнул над головой, разгоняя спертый воздух, густо приправленный табачным дымом.

Указанный половым столик стоял возле деревянной колонны. Его едва успели протереть, столешница была влажной. Половой торопливо обмахнул ее полотенцем, склонил голову.

Офицеры расселись, недовольными взглядами посмотрели по сторонам.

– Что угодно-с господам? – спросил половой.

Его «угодно-с» отдавало насмешкой. «Господа» явно не тянули на богатых гостей, а такие и заказа хорошего не сделают, и чаевых щедрых не оставят. Но что тут поделать?

Щепкин демонстративно провел ладонью по мокрой столешнице и опередил раскрывшего рот Белкина:

– Господам угодно-с водочки!

Половой не отреагировал на издевку.

– А что кушать будете?

– Ее, родимую, и будем кушать. А закуску сам сообрази. И горячее!

Половой уловил в голосе Щепкина недовольные нотки, спрятал усмешечку и торопливо кивнул:

– Сей момент! Все будет сделано!

Офицеры подождали, пока тот убежит, а потом более свободно осмотрелись. Такое любопытство вполне понятно, не все ж истуканами сидеть! Тем более многие посетители глазают по сторонам и ведут себя куда как привольно.

– Наши здесь, – прошептал Гоглидзе.

Щепкин кивнул. Он еще от входа заметил Диану, та сидела за столом у окна вместе с двумя молодыми щеголеватого вида франтами. Франтов капитан сегодня видел на Фурштатской – те самые «не примелькавшиеся» люди Игнатьева. Ребята старательно играли свои роли, только слегка перебарщивали. Но в присутствии Дианы это было допустимо – со стороны их немного напряженные позы и бегающие глаза выглядели играми жеребцов вокруг кобылки.

Холодова перехватила взгляд капитана, едва заметно повела глазами. Щепкин скользнул взглядом в сторону. У противоположной стены под висевшим вышитым полотнищем за большим столом сидели трое. Козырь, его подручный Баклан и молодая смазливая девка с диковыми глазами. Ага, уже здесь.

– Вижу цель, – прошелестел Белкин. – А вот где их контакты?..

Щепкин вновь посмотрел по сторонам. Не нравилось ему здесь, активно не нравилось. Народу много, сложно будет работать, коли что. Капитан хорошо знал нравы таких заведений, тут каждый второй с ходу ввяжется в драку просто так, ради куража, а каждый первый эту драку готов затеять.

Он отметил несколько персон явно не из благородного сословия, а из того, который часть своей беспутной жизни проводит в местах не столь отдаленных, сиречь в тюрьмах и каторгах. И что характерно, сии персоны расположились аккурат с двух сторон от Козыря и его компании. Случайно или как?

Сотрудники Игнатьева сидят спокойно, пьют минеральную воду, ковыряются вилками в закусках, что-то шепчут на ухо Диане, та знай себе заливается хохотком и игриво закатывает глаза. Никаких признаков тревоги или волнения. Не видят соседей Козыря или не обращают на них внимания?

Явился половой с подносом, ловко выгрузил на стол запотевший графин с водкой, рюмки, пару тарелок с закуской, вазочку с икрой. Вот шнырь, икру-то не заказывали, но не требовать же, чтобы унес! Нарочно устроил.

– Горячее сей час подадут-с! – затараторил половой, хитро поглядывая влажными глазками на Щепкина. – Приятственного аппетита!

Слева чертыхнулся Гоглидзе, свирепо уставился на графин.

– Ты, сын ишака, зачем графин принес?! Что туда намешал? Тащи бутылку, убогий!

Половой вжал голову в плечи, покраснел.

– У нас водку не разбавляют! – залепетал он, разом позабыв про «-с». – Помилуйте, господа! Как можно?!

– Неси давай, «как можно», – продолжал куражиться Гоглидзе. – Пока я тебе этот графин о голову не разбил!

Половой возмущенно фыркнул, но графин взял и убежал.

– Черт, громко вышло! – вполголоса проговорил Гоглидзе.

– Да ладно, никто и не смотрел, – вставил Белкин. – Не до нас... Капитан, ты чего такой хмурной?

Щепкин дернул головой, растянул губы в приторной улыбке.

– Лишних глаз много. Чую.

Белкин пожал плечами.

– Время такое... битком все.

– Да я не о том. Что-то не то здесь. Не видишь?

Белкин быстро обвел взглядом зал, зацепился за столик, где сидели четверо крупных мужиков, опять пожал плечами.

– Да ну... Фартовые гуляют...

Щепкин поморщился. Поручик хоть и служил в жандармском, но с уголовной публикой дела не имел. А капитан во Владивостоке сталкивался с ними. Знал немного их повадки и привычки. Оттого сейчас и сидел неровно. Не все здесь правильно, не все так, как надо.

Капитан бросил еще один взгляд по сторонам и тронул локтем рукоятку браунинга.

...Павел Семенин, больше известный как Паша-Гусь, шнифер, вор со стажем, без особой охоты ковырял вилкой в тарелке и угрюмо посматривал по сторонам. Взгляд чаще уходил направо, где за большим столом сидел Козырь. Видеть эту противную рожу Гусь не хотел, но что поделать, раз этот оребурок сидит так близко. Не уходить же самому! Это будет урон его авторитету, который Гусь зарабатывал с четырнадцати лет.

– А чего это Козырь своих дружков за стол не посадил? – прогудел над ухом густой голос. – Брезгует, что ли?

Гусь повернул голову. Его сын Мишка, давно уже заслуживший кличку Храп, тоже шнифер и городушник, обогнавший батю ростом, но, к сожалению, не умом, удивленно смотрел на отца, теребя ухо. Старая привычка, ставшая приметой Храпа, по которой его уже вычисляли и свои и чужие. Сколько раз говорил ему Гусь – не трожь ухо! Ан нет, денек погодит и опять начинается. Эх-х, недотепа! Но своя кровь, родная.

– Стережется он, – пояснил Гусь вполголоса. – Два дня как ювелира грохнул.

– Тогда грохнул, а сегодня гуляет? Лягашей не боится? Смелый какой.

Гусь одобрительно кивнул, сынок-то не совсем уж простачок. Соображает.

– Может, уйдем, батя? – продолжил Храп. – А ну как легавые нагрянут?!

– Нельзя, – с досадой протянул Гусь. – Да и Гришка просил... Куда он пропал-то?..

Храп завертел головой, ища взглядом брата.

– Он же во второй зал пошел. С кем-то говорить хотел.

– С кем-то!.. Притащил нас сюда, сам ушел. Да еще Козырь. Ладно... – Гусь высмотрел полового, поймал его взгляд и кивнул.

Тот, ловко огибая столики, бросился вперед. Когда зовет Гусь, к нему бегут на полусогнутых.

– Подай жаркое и рассчитай нас. Но тихо, чтобы без шуму, понял?

Половой кивнул, едва шевеля губами, вышептал:

– Не извольте-с...

Гусь вновь покосился в сторону соседского стола и вдруг озлился и на Козыря, и на шум в зале, а पुше того на младшого сынка Гриню, хитрости коего поставили Гуся в глупое положение.

...Зал на втором этаже был куда как меньше, зато обставлен богаче и выглядел солиднее. Никаких общих столов, только отдельные кабинки, а по периметру шитые покрывала. Свет

давали светильники, вставленные в стены, оттого верхний зал был окутан легким полумраком, как в дорогах борделях.

По идее здесь должны были отдыхать и вкушать пищу купцы да дворяне из богатых. Да только эта публика сюда заглядывала редко, а честно говоря – никогда. Поэтому верхний зал занимали то представители какой-нибудь партии, то мелкие торгаши, ухватившие куш, а уж совсем редко лихие налетчики, рисковавшие своим появлением здесь и тем самым показывающие смелость и отвагу.

В этот час все семь кабинетов пустовали, а за портьерой в углу стояли два человека, говорившие на пониженных тонах. Вернее, говорил один из них – низкорослый господин лет тридцати пяти в приличном, но утратившем лоск костюме. Второй собеседник – Гриша Семенин, младший сын Паши-Гуся – сдавленно шипел, пронзая яростным взглядом низенького господина и постукивая ладонью по перилам.

– ...Я за вашего человечка перед Козырем забожился! Слово дал, что будет все тихо и гладко! Вы же клялись мне, что он мешать не станет, только поговорит с ювелиром и его гостями. А вышло как? Ювелир и его жена наповал! И их гость тоже! Хоть деток не тронул! Это и есть – не помешает?

Вид Григория внушал страх – рост гренадерский, плечи широченные, лицо красное, налитые красным глаза сверкают. Под кожей играют тугие желваки.

Вот только низенький собеседник Грини страха не показывал и вообще вид имел донельзя спокойный.

– Не рвите голос, молодой человек, – сухо декламировал он, позволяя себе малозаметную хмурость. – Сделанного не воротишь. И потом, ювелира сам Козырь завалил. И жену заодно.

– Потому как ваш «надежный человек» пристрелил гостя ювелира! А свидетелей оставлять было нельзя.

– Потому что сорвался ваш «осторожный Митюня»! – явно передразнивая, хмыкнул невозмутимый тип. – Что до свидетелей – весь Питер уже знает о произошедшем! И полиция тоже!

– Но зачем было убивать гостя Штельмана?

– А это уже не ваше дело, юноша! Знаете воровское правило – за лишний спрос рубят нос! А то и голову! – Тип скользнул по Грише мрачным взглядом, вдруг смягчился: – Но вам, как надежному человеку, товарищу по борьбе, скажу: и сам ювелир и его гость – люди охраны. Мешали они нам сильно. Их хотели допросить, и только. Но гость повел себя... нервно. Стал за револьвер хвататься. Вот и получил... Ясно?

– А Козырь теперь мне предъявит и за поручительство, и за убийство.

– Козырь стал лишней картой в игре, – нахмурился тип. – Он слишком известен и горд – тихо уйти не захочет... или не сможет. А попадет в руки полиции – лишнего наболтает.

– Митяй не такой! Он вор настоящий!

– Григорий! Давайте без уголовной патетики! Козырь сдаст и вас и нас! Его спасение в немедленном уходе. А он приперся сюда, да еще всех подручных притащил и каких-то бугаев нанял. Для чего?

Григорий тяжело вздохнул и зло посмотрел на собеседника. У него мелькнула мысль, что встречу ему здесь и в это время назначили совсем не случайно. Но чего хочет этот невзрачный тип с холодными глазами?

– Нам надо уходить, – сказал он, вновь ударяя тяжелой ладонью по перилам. – Я батю с брательником привел, думал, они помогут с Козырем разойтись миром.

– Вот это вы зря, Григорий, – неожиданно мирно вздохнул тип. – Я уверен, что Козырь не причинил бы вам вреда. Да и сам способен успокоить его и помирить с вами.

– Вы? – В голосе Григория послышалось изумление. – Вы с ним знакомы?

Тип неопределенно улыбнулся, качнул головой:

– Было время. Знал я Митеньку совсем молодым и глупым. Да и должок за ним остался с той поры. Думаю, управу я бы на него нашел.

– А чего же тогда через меня на него вышли?

Тип стер улыбку с лица, покачал головой.

– Задержитесь на пару минут здесь, Григорий. Я спущусь первым и поговорю с Козырем. А потом уж и вы идите. Меня не окликайте. Встретимся с вами на старом месте через два дня.

Тип кивнул и направился к лестнице, но на полпути встал. Чуть повернул голову и уже другим, доверительным тоном сказал:

– И примите добрый совет – умерьте профессиональный пыл своего отца. Сейчас полиция и жандармерия устроят облавы. Будут хватать всех подряд. Легко попасться к ним в руки. Возьмите паузу...

И, не слушая ответа Григория, пошел вниз.

6

Расторопный половой принес неоткрытую бутылку водки вместо графина, а потом и вторую порцию закуски. Пока он расставлял тарелки, Гоглидзе быстро подменил бутылку своей, спрятанной за пазухой. Но в последний момент половой, резко развернувшись, зацепил бедром руку ротмистра, и тот едва не выронил подменную бутылку. Чертыхнувшись, он выставил ее на стол и цыкнул на полового. Тот что-то виновато пролепетал и убежал.

– Ишак! – вполголоса вернул Гоглидзе, зыкая по сторонам.

– Никто не заметил, – успокаивающе сказал Белкин. – Да и не смотрит никто. Ну что, командир, выпьем горькой родниковой?

Поручик подмигнул, ловким движением сдернул пробку с бутылки и разлил по рюмкам «водку», набранную еще утром из колодца. Потом подхватил свою, чуть приподнял и одним махом опрокинул ее в рот.

Белкин и Щепкин повторили его жест, капитан еще успел глянуть в сторону Дианы. Та что-то шептала одному из франтов, но смотрела при этом на Щепкина. И глаза у нее были шальные.

Прохладная вода смочила горло, оставив какой-то травяной привкус. Щепкин сыграл «первый выдох», подцепил вилкой небольшой огурчик с тарелки и схрумкал его. Хотел было достать часы, но вовремя спохватился. Какие часы у рабочего?

– Ну вот и ладненько, – промолвил Белкин, тоже доставая огурчик. – Прошло дело...

Веселился поручик зря. Трюк с подменой бутылки заметил глазастый Храп. Следил за половым, хотел подозвать его, вот и увидел маневр Гоглидзе. Странное поведение троицы работяг заставило Мишку невольно нахмуриться.

– Батя, – склонил он к отцу голову. – Вот те трое бутылку, что им халдей притащил, подменили своей. С чего бы это?

Гусь, неохотно ковырявший вилкой в блюде и искоса посматривавший в сторону Козыря, недовольно перевел взгляд на указанных сыном людей. Прищурился.

Вроде простые работяги. Нехитрая закуска, бутылка водки. Видок не самый радостный.

– Точно, я видел, – верно истолковал молчание отца Храп. – Самогонку хлещут, а водку на потом заначили?

Гусь молча рассматривал работяг. Рыскают по залу глазенками. То ладно, многие по сторонам смотрят. А чего это белобрысый косоворотку резким жестом поправляет? Привычка ворот мундира одергивать, чтобы не тер шею? И усач-южанин сидит с прямой спиной. Где ж ты, милай, так выучился? Не у станка же, да и не в артели. Офицер?

Гусь осмотрелся еще раз, ища взглядом других ряженных. Вроде никого, знакомые рожи, да пьяные морды. Краля только с молодыми фраерами, чужая девка, ладная. Чего она здесь забыла? Или из начинающих профурсеток? Слишком хороша, хотя одета неярко. Ах ты, ети ее! Что раньше-то так не проверился?

– Ну что скажешь, батя? – не выдержал Храп.

Гусь досадливо поморщился. Ну, нет у старшего сынка терпегу. Горяч больно да на руку скор. С таким характером в паханы не выйти. Если только с возрастом не поутихнет.

Гусь подцепил на вилку кусок мяса в подливке, затолкал его в рот, проглотил, прикрыл губы кулаком и негромко сказал:

– Похоже, легавые. И Гриня где-то шляется! Вот что, сынок, сходи-ка до нужды, а по пути шепни Игнату, что здесь чужие. Пусть тот предупредит Козыря. Видать, по его душу пришли. А сам не лезь! – строго добавил Гусь. – Вернешься – пошукай Гриню наверху. Уходить нам надо. Нечего здесь...

Гусь вдруг подумал, что если ошибся, над ним весь Питер потешаться станет. Испугался работяг да молодую девку! И правда, чего он так? Хотя чуйка его еще никогда не подводила. Раз не нравятся шальные гости – ничего не поделать. Да и шут с ними – пусть смеются!..

Храп уже подходил к дверце, которая вела к отхожему месту, пьяно качнулся, тесанул плечом косяк и на миг склонил голову к хрому Игнату – старожилу района, бывшему извозчику, а ныне смотрителю в зале. Тот никак не отреагировал на вираж Храпа, так и продолжал сидеть за маленьким столиком. Но когда мимо пробежал половой, цапнул его за рубаху и что-то шепнул. Половой помчался прочь, пряча испуганные глаза.

– Что-то Козырь мрачный, – заметил Гоглидзе, опрокидывая в себя вторую рюмку «водки». – Куш сорвал, а радости нет.

– Об убиенных скорбит, – хмыкнул Белкин. – И подручный его не весел... буйну голову повесил...

– Кстати, а девка-то, похоже, Баклана. – Гоглидзе пьяно повернулся, качнув корпусом, зашелкал пальцами, зовя полового. – К тому липнет. Или Козырь подарил ее?.. Ну и где горячее, бозишвили?³

Щепкин бросил взгляд на Козыря, тут же отвел его и подумал, что в ожидании встречи налетчика с неким человеком они могут просидеть здесь до ночи. Но пьянствовать столько нельзя, это станет заметно. Хотя Игнатьев уверял, что Козырь ждать долго не любит. Значит, встреча скоро? Но когда?..

В отхожем месте Храп столкнулся с одним из подручных Козыря. Этих амбалов лихой налетчик обычно брал с собой в людные места, показывая особое положение и силу. Ни на что кроме как махать кулаками эти молодцы способны не были, но уж дело свое знали и дрались отчаянно. Их же иногда нанимали для охраны своих сборищ местные эсеры и даже черносотенцы для не особо благовидных делишек вроде погрома лавки еврея-торгаша.

Храп не удержался и шепнул амбалу о полицейских ищейках. Мол, пусть Козырь стережется. Амбал пьяно икнул в ответ и мотнул головой.

– Бошки поотшибаем! – пообещал он, утробно икнув. – Лягавые!..

Кураж амбала передался и Храпу, тот тоже иногда был не прочь пересчитать кому-нибудь зубы. И хотя батя запретил, но Храп решил, если начнется – сунуть под шумок одному из легавых в дыхло, чтоб того скрутило. А то и ножичком пырнуть.

³ Сукин сын (груз.).

...Как к столу Козыря подошел некий тип, Щепкин не видел, отвлекшись на баяниста, чьи переборы на миг заглушили гомон в зале. Белкин толкнул капитана ногой и воскликнул: «Ну, еще по одной?..»

Незнакомец встал напротив налетчика, коротко кивнул и что-то сказал тому. Козырь резко помрачнел. Сердито ответил, дернул головой, словно норовистый жеребец. Расслышать отсюда слова было невозможно, и Щепкин мимолетно подсадовал, что так и не выучился читать по губам. Хоть реплики Козыря разобрать смог бы...

Козырь гостю сесть не предложил, разговаривал с ним, держа на подрагивающих губах усмешку, но глаза были холодные. А руки играли столовым ножом, вертя его так и эдак.

– Контакт... – несколько запоздало констатировал Белкин, украдкой глядя на часы.

– А если не он? – возразил Гоглидзе, но больше для виду.

А сам впился глазами в невзрачного типчика, потом отвел взгляд, кашлянул.

– Что делаем, командир?

– Ждем... – ответил Щепкин, сам стараясь не глазеть на стол Козыря. – Надо сигнал дать, чтобы его на улице приняли.

– Опа! Диана пошла! – вдруг сказал Белкин с долей изумления в голосе.

Капитан обернулся.

Диана и один из ее сотрапезников – что повыше и поплечистее – вышли из-за стола и начали танцевать. До них в центре зала уже двигались две пары – шустрые парнишки вертели своих мазелей кто во что горазд. Девахи из начинающих блядей крутили задами и томно закатывали глазки. Так что Диана и ее кавалер вышли вполне к месту. И стали ловко откалывать коленца, смещаясь к столу Козыря.

«Молодец, Диана», – мысленно похвалил ее капитан, хотя и не надеялся, что та расслышит что-то интересное.

Маневр Дианы и ее кавалера не удался. Незнакомец кивнул Козырю, мазнул взглядом по залу и пошел к дальнему выходу, который вел через подсобное помещение на соседнюю улицу. Щепкин отметил перекошенное лицо Козыря и кривую ухмылку на его губах. Лихой налетчик был явно ошарашен и встречей и разговором, но держал фасон. Потом что-то сказал Баклану. Тот пожал плечами, ответил.

– Надо за хлыщом топать! – едва не в голос крикнул Гоглидзе. – Уйдет!

– Уже, – откликнулся Белкин.

Второй франт, что сидел за столом Дианы, медленно встал и направился ко второму входу.

– Нормально, проведет, – уверенно проговорил поручик. – Там его подстрахуют. Командир, что дальше? За Козырем следим?

Щепкин неопределенно пожал плечами. Свое дело они вроде сделали, контакт Козыря вычислили. Теперь его поведут жандармы и проследят до конца. Козыря будут брать на его хате, лежище уже вычислили. В принципе, работа группы закончена. Но если этот хлыщ – не контакт? Если появится другой? Значит, ждать до упора, пока Козырь не уйдет из трактира.

К столу Козыря подкатил мрачного типа парень, нагнулся к налетчику, что-то сказал. Козырь тревожно кивнул, бросил внимательный взгляд за спину парня. Что-то буркнул. Парень стукнул себя кулаком в грудь, чуть повернул корпус, словно желая сделать жест в сторону, но Козырь его дернул за рукав. Наклонился к Баклану, кивнул на сидящую с ним деваху. Баклан посуровел, встал из-за стола и повелительно махнул девахе. Та покорно поднялась, поджала губы и, гордо вскинув голову, направилась к двери, ведущей к отхожему месту. Подошедший парень посторонился, потом отошел к соседнему столу.

Маневры у стола Козыря Щепкину не понравились. А еще больше не понравились взгляды, которые он перехватил. На них с нескольких сторон напряженно и мрачно смотрели

посетители – сплошь молодые мужики, крепкие, битые, с рожами явно не благостными. Да и сам Козырь вроде бы случайно мазнул взглядом по капитану, тут же отвел глаза и нарочито медленно поднес к губам рюмку.

– Нас выкупили, – сказал капитан, – не знаю как.

И тут же перехватил встревоженный взгляд Дианы, которая еще танцевала со своим кавалером неподалеку от стола Козыря. Видать, услышала что-то. Девушка поправила рукой прическу и тронула сережку в ухе – знак тревоги.

– Надо уносить ноги, – предложил Гоглидзе. – Иначе будет свалка.

– Надо! – с досадой произнес Щепкин. – А если это отвлечение?

Гоглидзе пожал плечами. Может быть и так. Если бандиты вычислили офицеров, то могут нарочно устроить потасовку, чтобы прикрыть контакт Козыря с кем-то еще. Или просто дать ему уйти.

Не угадаешь так вот, сразу. А надо соображать, и быстро. Схватка с десятком-другим здоровых лбов капитану не улыбалась. Пока прикрытие с улицы добежит сюда, пока начнет работать... много чего может произойти.

Капитан указал на бутылку и громко сказал:

– Ну, давайте еще по одной, и пора.

И провел ладонями по щекам, словно разминая их. Это был знак готовности к действию.

Гоглидзе разлил по рюмкам воду, с легким прищуром посмотрел на капитана. Щепкин отметил заблестевшие глаза и прищур ротмистра – это у него всегда перед схваткой, сейчас еще руки потрет и шмыгнет носом. Настраивается так...

Гоглидзе неторопливо потер руки.

В этот момент к их столику подкатил шаром молодой паренек с замашками дешевого урки, вертляво склонился.

– Наше вам... с кисточкой... Позвольте за здоровье ваше...

Никто не успел среагировать, как паренек ловко подхватил со стола рюмку Белкина и опрокинул ее в себя. Поморщился, сплюнул.

– Чего это вы сидите как люди, а пьете бурду из лужи?! Нехорошо так... Или в околотке грошей на водку нет? Оголодали, легавые суки?

– Отвали, огрызок! – лениво произнес Щепкин, поджимая под себя ноги и откидываясь назад. – И рот свой закрой, пока леща не словил.

Капитан заметил краем глаза, что из-за соседних столов поднимаются здоровые бугаи, видимо, подельники Козыря, а сам налетчик сунул руку за пазуху.

– Бей легавых сук! – пронзил воздух чей-то визгливый голос, легко перекрывший рулады баяна.

Парнишка сцапал бутылку со стола, взмахнул ей и попробовал зарядить по голове Гоглидзе. Но ротмистр отклонился, пропустил удар мимо, схватил парня за отворот рубахи, резко дернул на себя и ловко перебросил через колено. Парнишка с размаху упал на пол и от дикой боли выгнул спину, заверещав тонким голосом.

– Гаси легавых! – опять заорал визгливый голос.

На офицеров с трех сторон кинулись мужики. У кого-то в руке мелькнул нож, у другого кастет, третий выхватил кистень. Шутить ребята не собирались.

Щепкин перехватил испуганный взгляд Дианы и ее кавалера. Тот сунул руку за полу пиджака, но вынимать оружие не спешил. Не хотел стрелять в спины людей.

А потом стало не до него. Насели разом с двух сторон, сверкая залитыми водкой глазами, дыша перегаром и перемежая угрозы с матюками. Здоровые, пьяные, разъяренные. Таких ни словом, ни даже выстрелом в воздух не остановить. Только рубить. И без жалости.

Первого капитан встретил ударом ноги в пах, тут же шагнул в сторону, отбил выпад ножом, не успев перехватить руку, отступил, опять отбил удар, ответил сам, сделал захват за отворот пиджака, рванул тело на себя, прикрылся им и шагнул к столу.

Рядом Белкин мощными кроссами свалил двух нападавших, ловко уклонился от удара ногой и дал такого пинка еще одному, что тот отлетел прочь, снося по пути стулья.

Гоглидзе прикрыл тыл столом и встречал налетающих на него ударами ног, а одного самого резвого переброшил через бедро, уронив на упавший стул. Бедолага приложился спиной о ножку и взвыл не своим голосом.

Козырь, видя, что его подручные не смогли свалить легавых, ощерился и потащил из-за пазухи наган. Когда один из легавых открылся, Козырь вскинул револьвер, взял того на прицел и потянул за спуск. На голову вдруг обрушился чудовищный удар. Налетчик рухнул ничком, не издав ни звука. Револьвер выпал из руки и залетел под стол.

Стоявший рядом Баклан изумленно обернулся и увидел ту смазливую бабенку, что плясала со своим хахалем. Только сейчас вид у бабенки был не слащаво-приторный, а разъяренный. А в руке бутылка водки, которой она и свалила Козыря.

– Ах ты, прошмандовка!

Баклан выхватил нож, шагнул к бабенке, но та вдруг неуловимым движением бросила в него бутылку, которая угодила дном в нос Баклану. Верный кореш Козыря от боли вскрикнул и прикрыл глаза. Диана ловким движением выхватила из его руки нож и вогнала клинок точно в сердце налетчику. Этот прием она долго отрабатывала, и сейчас он вышел сам собой.

– Зови наших! – крикнула Диана своему кавалеру.

Тот бросился вдоль столов к дверям, на полпути налетел на какого-то бандюгана, свалил его ударом кулака. Подскочил к дверям, оттолкнул стоявшего возле них бледного полового и дернул за ручку. Двери были закрыты.

Жандарм дернул еще раз, хотел обернуться, чтобы позвать полового, но на его голову обрушился сильный удар. Жандарм успел заметить фигуру полового и пустой графин в его руке.

«Подставился», – мелькнула запоздалая мысль. Жандарм мягко упал на пол, заливая его кровью.

Храп влез в драку, не обращая внимания на сдавленный рев отца. Он хотел лично пристукнуть кого-то из легавых, а лучше двоих. Показать коронный удар кулаком по макушке, чтобы проклятый легаш рухнул бездыханным. Выбрав момент, Храп пробрался к здоровяку, что легко расшвырял двух мужиков, занес руку для удара, но получил такой удар под дых, что едва не потерял сознание. Немного придя в себя, дрожащими пальцами вытащил финку и шагнул вперед.

Диана увидела занесенный нож за спиной Щепкина и едва не закричала в голос. Выхватила спрятанный браунинг и, не раздумывая, дважды выстрелила.

Занесший нож детина замер, неловко повернулся, упал на колени, а потом на пол.

– Сына! – рев Паши-Гуся на миг перекрыл шум схватки.

Он прыгнул к упавшему сыну, попытался поднять, но в этот момент Белкин, который спешил к дверям, сильным ударом отбросил Гуся в сторону. Тот упал, отбил руку, резво, помолодому вскочил на ноги и бросился на Белкина.

Поручик нанес апперкот, добавил левый боковой, и Паша–Гусь вновь оказался на полу.

Белкин подскочил к дверям, перепрыгнул через лежащего жандарма, толкнул двери. Те не поддавались. Шустрый половой закрыл их на замок. Снаружи кто-то шарахнул по ним раз, другой.

– Отойдите! – крикнул Белкин и достал пистолет.

Два выстрела вынесли замок. Белкин саданул по дверям ногой, отступил в сторону и повелительно крикнул:

– Живее!

С улицы в зал ворвались жандармы...

Вниз Гриша-Скок прибежал, когда расслышал шум драки. Кто-то орал «бей легавых!», звенела посуда, доносились крики боли. Скок не сразу сообразил, что происходит, потом заметил, что подручные Козыря и кое-кто из завсегдатаев заседают на троих здоровых молодых парней, а те ловко расшвыривают их, отвешивая такие удары, что позавидовать можно.

Лежащего в луже крови Козыря Скок заметил не сразу, как и замершего под столом Баклана. Мелькнула шальная мысль, что это работа того типа, с которым разговаривал наверху. А потом стало не до мыслей. Два выстрела слились в один, Скок отпрянул за столб, потом выглянул в зал и увидел... лежащего брата и бегущего к нему отца.

От неожиданности Григорий застыл на месте, а потом бросился к ним. Над ухом опять шарахнули выстрелы, в зал стали вбегать жандармы. Кто-то прокричал начальственным голосом:

– Брать всех! Никого не выпускать!

Скок хотел добраться до падлы, которая свалила отца, но на него напали два жандарма. Скок свалил одного ударом ноги, второму сунул в скулу. И тут перед ним возник третий с револьвером в руке. *Финтить* под стволом в тесноте глупое дело. Скок замешкался.

– Руки в гору, шпынь! – заорал жандарм. – Руки в гору, кажу!

Сзади кто-то навалился, ударил по спине. Скок плюнул в жандарма и поднял руки.

7

Козыря Щепкин нашел неподалеку от стола. Из пробитой головы натекала лужа крови, лицо побелело, нос заострился.

Неподалеку под столом лежал Баклан. В груди торчал нож, вокруг него расплылось пятно крови. Вот так, оба наповал, и все концы в воду.

Щепкин обернулся. Жандармы вывели почти всех бандитов из зала. Только возле столика рядом с лежащим на животе здоровым парнем стоял на коленях немолодой седоватый мужчина. Он держал убитого за плечо и тихо выл. Два жандарма подняли его с колен, завернули руки за спину и поволокли к дверям. Мужик обернулся, нашел взглядом капитана и скрипел рот:

– Теперь ты мой кровник, легавая тварь! За сынка спрошу, не помилую!

Жандарм подтолкнул его в спину.

– Шагай, шелупонь! Грозиться на нарах будешь!

Мужик сплюнул под ноги, бросил взгляд на убитого сына и сдавленно захрипел.

Щепкин подошел к Диане, которая сидела на стуле неподалеку от входа, бессильно свесив руки.

– Могла бы в ноги...

Диана подняла голову, слабо улыбнулась. Улыбка вышла невеселой, блеклой.

– Он уже нож поднял. Промедлила бы – ударил в спину.

Она замолчала, посмотрела, как поднимают тело Козыря.

– И этого успела огреть... он хотел стрелять. Я тебе, капитан Василий, жизнь спасла... два раза. Хоть бы спасибо сказал...

Диана встала, тяжело вздохнула и жалобно посмотрела на Щепкина. Тот благодарно кивнул, погладил ее по плечу.

– Спасибо, милая. Извини...

К ним подошел Гоглидзе, зажимая платком порезанную руку. В драке кто-то успел полоснуть по ней ножом, глубоко не ранил, но попал неудачно – под сгиб локтя.

– Что дальше, командир? Едем отсюда?

– Да... – Щепкин поискал взглядом Белкина, тот как раз выходил из отхожего места, вытирая платком руки. Следом топал жандарм, волоча за собой полового. Парнишка тихонько подвывал и держался за ухо. – В жандармское. Подведем итоги... операции, эти ее.

– Только без меня, – проговорила Диана. – Я что-то не очень... мутит.

– Ты не ранена? – встревожился капитан.

– Да нет. – Диана дернула уголком губ. – Это другое... чуть раньше срока.

Щепкин понял, смущенно кивнул.

– Я скажу, тебя отвезут.

К ним подбежал старший группы жандармов, бравый подпоручик с нафабренными усами.

– Господин капитан, мы здесь все! Разрешите убыть?

– Задержанных куда?

– В околоток. А трупы в морг.

– Езжайте. Мы на Фурштатскую. Да, и отвезите даму домой, она укажет адрес.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – подпоручик вскинул руку к фуражке, повернулся к Диане. – Прошу, сударыня.

В жандармском управлении пришлось задержаться. Разъяренный Игнатьев сперва распекал своих молодцов, потом отдавал указания и куда-то звонил. В свой кабинет вернулся взъерошенным, не сразу успокоился и даже не предложил гостям чай.

– Прошу извинить, господа. Нескладно вышло-с... да, нескладно. Козырь и его поделщик мертвы, а с мертвых спросу никакого!

– А тот тип, что с ним говорил? За ним же пошел ваш человек? – спросил Щепкин.

Игнатьев досадливо махнул рукой.

– Ловкий, гад. Слежку заметил, стукнул моего парня и деру. Оцепление его засекло и открыло огонь. Остолопы! – вдруг взревел Игнатьев. – Всех на фронт! Пусть немчуру быют!

– Убили? – догадался Щепкин.

– Наповал. Ведь предупреждал – только по ногам! Говорят – темно, темно!

– Мы тоже не взяли Козыря.

Игнатьев вдруг успокоился, подошел к капитану.

– Василий Сергеевич, бог с вами! Я вашей Диане лично дюжину шампанского и букет роз!.. Спасла она вас, как есть спасла! Виноват, уж простите неума! Отправил в вертеп без хорошего прикрытия. Кто ж знал, что Козырь кодлу свою приведет, да и остальных подрядит. Два моих мальчика... хоть живы оба, слава богу, разве они помощь?

– Ничего, господин полковник! – вставил Гоглидзе, по старой армейской традиции опуская «под» в звании Игнатьева. – Мы и втроем дали им отпор.

Игнатьев кивнул, посерьезнел.

– Господа, я сегодня же подам рапорт и попрошу отметить вас наградами за мужество и удаль! И Батюшину сообщу, что вы молодцы.

– Благодарю, Владимир Андреевич, на добром слове. Но что с делом? Убитого типа опознали?

Игнатьев, видимо, полностью пришел в себя, вызвал ординарца, велел поставить самовар да подать в кабинет коньяку и закусок. Когда унтер ушел, подполковник задумчиво покачал головой.

– Розенблем Исаак Ааронович, тридцати шести лет, член партии социал-революционеров. Имел отношение к их боевой организации.

– Козырь был связан с эсерами? – удивился Щепкин.

– Все может быть. Мы попробуем выяснить... Тут другое непонятно... – Игнатьев помедлил, задумчиво нахмурил брови. – Допросы задержанных мы только начинаем. Однако уже ясно, что Розенблем пришел к Козырю не с улицы.

– Мы видели. Он вывернул откуда-то из зала.

Подполковник кивнул.

– Возможно, у него была встреча с кем-то еще. С кем-то кроме Козыря. Попробуем выяснить. Кстати... убитый в доме ювелира Штельмана человек – английский подданный. Как он оказался там и зачем – мы пока не знаем. Но сам факт неприятен весьма. Наши союзники будут недовольны...

В кабинет, постучав, заглянул ординарец Кузьма, посмотрел на подполковника и кивнул.

– Готово? Ну, так неси, чего ждешь? – Игнатьев оживился. – Прошу отведать, друзья. В трактире, поди, ни выпить, ни закусить не успели... О делах потом...

8

После полуночи ветер немного стих, зато с черного неба закапал мелкий дождик. Капли били по мостовым и крышам, заглушая прочие звуки. Обходившие фасад здания Главного управления Генерального штаба солдаты зябко водили плечами и невольно укоряли шаг, желая побыстрее вернуться в дежурку, где было натоплено и стоял наготове самовар.

Дойдя до торцевой стены, солдаты, как и положено, осмотрели затемненные окна, подергали небольшую дверь подсобного помещения. Дверь немного подалась, но потом встала.

– Чей-та!.. – старший патруля ефрейтор недоверчиво притянул к двери. – Никак не закрыли...

– Хозяйственники давно ушли. Они же на замок запирают, – вставил рядовой, ежась и недобро глядя на черное небо.

Ефрейтор толкнул дверь посильнее, и она отошла вглубь помещения. Ефрейтор отступил, снял карабин с плеча.

– Карп, нут-ка бегом за старшим! Скажи, пусть офицер подойдет. Я пока здесь покарауюлю.

– Тревога? – с любопытством спросил Карп, вытягивая шею и тоже снимая карабин с плеча.

– Не надо тревоги... пока. Беги!

Солдат убежал, а ефрейтор осторожно заглянул внутрь помещения. Ничего, конечно, он не разглядел, а фонарь был у напарника. За спиной ефрейтора что-то шаркнуло, тот быстро развернулся и получил сильный удар по голове. Фуражка смягчила его немного, но ефрейтор закатил глаза и сполз вниз по стене. Закутанная в черное фигура проявилась в слабом отсвете огней с фасада здания и тут же исчезла за дверью.

На второй этаж Восточного корпуса человек в черном проник бесшумно, задержался у лестницы, выглядывая в коридор, отметил в глубине яркое пятно – лампу на столе дежурного, а потом нашел взглядом нужную дверь. До нее метров семь. Дежурный сидит спиной, что-то читает, увидеть не должен. Хотя скрип двери услышит. Значит, надо...

Дежурный расслышал едва различимый свист воздуха за спиной в последний момент, потом мягкий удар обрушился на его макушку, и он ткнулся лбом в столешницу. Фигура за его спиной открыла ящик стола, отыскала нужный ключ и неслышно отступила назад.

Начальник караула подпоручик Акметьев прибежал к торцевой стороне здания через пять минут после доклада патрульного солдата. Следом за ним примчалась дежурная смена – пять солдат. Дверь в здание была закрыта, ефрейтора нигде не видно. Подпоручик велел осмотреть все вокруг, и солдаты, размахивая фонарями, разошлись по сторонам.

– Вон-вон, ваше благородие! – крикнул Карп, указывая на вполне заметный след у самых дверей. – Тащили что-то?

– Веремчук, Стахович, проверьте двери. Остальным следить за окнами. Оружие держать наготове! Давайте!

После дружного нажима плечами дверь подалась и пошла назад. Солдаты удвоили усилия и распахнули ее полностью. В углу под лестницей они нашли ефрейтора. Он был без сознания, но дышал. Разряженное оружие валялось в другом углу, вокруг тускло блестели патроны.

– Лямников, остаешься здесь. Спрячься за дверью. Никого не пропускать!

Подпоручик вытащил из кобуры револьвер, взвел курок и повернулся к солдатам.

– Идем тихо, смотрим в оба!

– Может, тревогу поднять, ваше благородие? – предложил унтер Веремчук. – А ну как супостат не один?

– Нельзя, спугнем. А нам надо его взять живым. Их взять... если целая группа. Пошли...

Кабинет, куда стремился попасть закутанный в черный костюм человек, был разделен на две части. В большей стояли стол, стулья и два телефонных аппарата. В меньшей было несколько огромных сейфов, подпиравших потолок.

Проникнув в кабинет и взломав вторую дверь, злоумышленник с помощью небольшого электрического фонаря осмотрел сейфы, отыскал нужный, извлек из складок одежды связку ключей и набор отмычек и приступил к работе. Фонарик он закрепил на плече, направив свет на замочные скважины. Работал злоумышленник быстро, показывая немалую сноровку в это деле. Однако сейф пока не поддавался.

Акметьев с солдатами осмотрели первый этаж, проверили все кабинеты. Встревоженому дежурному подпоручик объяснил ситуацию и попросил без лишнего шума поднять тревогу. Дежурный покивал и протянул руку к телефону.

– Идем дальше, – скомандовал Акметьев, – к лестнице.

– А если он уже сбежал? – подал голос кто-то из солдат.

Подпоручик не ответил, махнул рукой и первым поспешил вперед.

Сейф открылся с третьей попытки. Злоумышленник внимательно осмотрел содержимое нижних полок, вытащил несколько папок с бумагами, пролистал их, три бросил обратно, а две отложил. Потом быстро закрыл сейф, папки спрятал в небольшую тряпичную сумку, закрепил ее за спиной и поспешил к выходу.

В коридоре было тихо, дежурный так и сидел за столом, положив на него голову, издалека казалось, что он спал. Злоумышленник поспешил к лестнице, сбежал по пролету вниз и... лоб в лоб столкнулся с Акметьевым.

Опешили они оба. Но злоумышленник соображал быстрее. Ударом ноги он отбросил подпоручика назад, и тот, теряя равновесие, сшиб двух солдат. Злоумышленник бросился наверх, выскочил в коридор и увидел в дальнем конце размытые фигуры солдат. Снизу по ступенькам бежали патрульные. Его взяли в тиски.

Злоумышленник бросился к окну, резким рывком распахнул его и вскочил на подоконник. Сзади раздался рев:

– Стоять, бисово отродье! Пристрелю!

Похититель вытащил из потайного кармана небольшой предмет размером с крупное яблоко и бросил его под ноги преследователям. Сильная вспышка ударила по глазам подбежавших солдат. Кто-то охнул, кто-то с проклятием закрыл руками глаза. Когда подпоручик подбежал к окну, он увидел только своих людей, топтавшихся на месте и протиравших глаза. Злоумышленника не было.

Акметьев выглянул в окно и услышал слабый вскрик.

...Прыжок на небольшой выступ и второй прыжок с него на землю злоумышленник выполнил ловко и без задержки. Устояв на ногах, огляделся по сторонам и хотел было бежать прочь, но из тени двери выступил рядовой Лямников, оставленный сторожить выход.

Лямников вскинул карабин и внезапно осипшим голосом произнес:

– Стой, поганец! Руки вверх!

Злоумышленник встал, потом вдруг присел и махнул рукой. Это движение Лямников не увидел, но почувствовал сильный удар в шею. Острая боль пронзила горло, Лямников попытался вскрикнуть, но вышел тонкий сип. Солдат упал на землю, не выпустив из рук оружие, и тускнеющим взором увидел удирающую прочь фигуру.

Когда Акметьев сбежал вниз, солдат уже не дышал. Из его горла торчал какой-то странный предмет, перепачканный густой кровью. Враг сумел скрыться.

9

Задержанных в трактире участников драки отвезли в ближайший околоток, где жандармы и лично участковый пристав вместе с околоточными дотошно допрашивали всех без исключения.

После допроса драчунов увозили в Литовский замок. Назад в кутузку никого не возвращали, и остальные задержанные только гадали, что с ними будет.

Паша-Гусь и его сын Гриша-Скок сидели в дальнем углу возле каменного выступа. Гусь скрипел зубами и непрерывно тер грудь – сердце пошаливало. Он морщился, шевелил губами, посылая проклятья легавым, Козырю и подлым друзьям сына Грини, которых винил во всем.

Скок сидеть на месте не мог, вскакивал, ходил по кутузке – два шага вперед, два назад. Перед глазами все прыгала картинка – лежащее на полу безвольное тело брата и поникший отец, которого оттаскивали жандармы.

«Падла хитрожопа!.. – с ненавистью думал о своем собеседнике Скок. – Сам отвалил, а нас под легавых подставил...»

Упрек был необоснован, ведь собеседник – «товарищ Петр», как он когда-то представился, – предупреждал, чтобы Скок уходил и уводил своих. Но сейчас Григорий ни о чем ином думать не мог. Он сделал еще несколько кругов, невольно подслушал шепот соседей по кутузке. Узнал подручных Козыря, те обсуждали, как им «спрыгнуть» с дела и уйти.

Потом городской вытащил из кутузки очередного задержанного и потащил его на допрос. Скок прильнул к решетке и увидел, как из дверей околотка выводили двух парней – подручных Козыря и еще одного из завсегдатаев трактира.

Выводивший их жандарм кому-то крикнул:

– Этого в Литовский, а этих в «Кресты». И по дороге внимательнее смотрите.

Скок отошел от решетки и сел в угол к отцу.

– Батя, – шепотом сказал он, – всех дружков Козыря тащат в «Кресты». Видать, дальше колоть будут. Остальных в Литовский. Значит, отпустят скоро.

Гусь повернул голову к сыну, что-то беззвучно прошептал, проморгался и глубоко вздохнул.

– Нас тоже... как узнают, кого сцапали, повезут в «Кресты». На мне дело, просто так не отпустят. Да и ты со своими политическими...

Гусь встал, размял затекшие ноги и спину, огляделся, прижал голову Григория к себе.

– Уходить надо, сынок. Пока не опознали и не упекли.

– Как?

Гусь усмехнулся.

– Да как раньше. Когда с этапа срывались и от околоточных бегали. Дадим концерту, а эти шебутники помогут...

Шебутниками старый вор презрительно называл мелкую шпану, что ошивалась возле воровских малин и кабаков, а также пропойц и молодых дурачков, готовых за мелкую подачку и на шухере постоять, и легавых отвлечь.

Скок с недоверием посмотрел на отца, но возражать не стал. Паша-Гусь обладал таким опытом, что его сыну еще учиться и учиться.

...Поднятый в кутузке шум привлек внимание городских не сразу. Те сперва подумали, что задержанные бузят, и пригрозили им палками. Но потом кто-то крикнул: «Да он помирует!»

Старший городской подошел к решетке, недовольно буркнул:

– А ну цыть! Расступись!

На полу полулежал, хватаясь за живот, здоровый молодой парняга. Лицо сведено судорогой, на губах кровавая пена. Парень не стонал, только скрипел зубами и прижимал ладони к животу.

– Эй, болящий, ты чего?

– Фрол Тарасыч, не видишь – плохо ему... – заныл знакомый голос.

Городской поднял голову. Местный запойный Колюня просительно смотрел из-за решетки, смиренно сложив руки на груди.

– Лекаря бы какого али фелшара... Помреть ишшо.

Колюню городской хорошо знал, этого дурачка даже в Литовский не повезут, здесь отпустят.

– Семен, дай ключи, – позвал помощника городской и повернулся к решетке. – Всем отойти в дальний угол. И смотрите, если что – маслину схлопочете разом. А ты, Колюня, тащи его к решетке.

Тот кое-как выволок больного парня к решетке, а когда городские открыли ее, потащил дальше. Фрол Тарасович помог ему и выволок парня к скамейке.

– Посади его и дай воды, вот ведро. Семен, закрывай...

Городской на миг отвлекся, а когда повернул голову, Колюня, скрючившись в три погибели, упал под ноги и завопил тонким голоском:

– Ай-ай-ай!..

Больной парень вдруг разогнулся, выметнул ногу и врезал ей по шее городского. Фрол Тарасович рухнул на пол. Второй городской, что закрывал решетку, обернулся на шум, схлопотал удар в скулу и второй по уху. В голове вдруг зазвенело, стало пусто. Он сполз вниз, не чувствуя тела, и застыл в неудобном положении.

Больной парень – Скок – подскочил к городскому, вытащил из руки связку ключей, миготом отпер замок и распахнул решетку. Задержанные ломанулись к выходу.

У дверей околотка толпа столкнулась с жандармами и городовыми. Сразу вспыхнула драка. Численный перевес был на стороне задержанных, но жандармы, обученные ближнему бою, отшвыривали беглецов. Те поднажали и стали выдавливать жандармов на улицу.

Скок и Гусь были в центре толпы – самое безопасное место, но сейчас из-за скученности не могли толком даже шагнуть. Скок скрипел зубами от злости – ему бы вперед, он бы расшвырял жандармов.

Наконец впереди расступились, беглецы выдавили жандармов во двор. Скок прыгнул вперед, ловко ушел от руки городского и врезал тому по колену. Городовой от боли осел.

Толпа бросилась врассыпную. До спасительного переулочка, где было темно, всего два десятка шагов.

В этот момент раздались выстрелы. Жандармы открыли огонь по убежавшим. Несколько человек сразу упали, еще трое присели и подняли руки, вопя: «Сдаемси, сдаемси!..»

Скок потащил отца в сторону, к забору, где были вставлены две доски. Но Гусь вдруг дернулся, стал падать на землю. Григорий, еще не понимая, попытался его поднять.

– Сынок... беги...

Гусь сел на землю, стал заваливаться на бок. В тусклом свете фонарей его лицо выглядело белым. Скок присел рядом и вдруг увидел на груди отца пятно крови.

– Беги. Отомсти им за меня и за... брата. Клянись!

– Батя! – Скок подхватил голову отца. – Встань, батя, я тебя унесу.

Мимо пронеслась чья-то фигура, над головой пропели две пули, одна ужалила беглеца, и тот с воплем покатился по земле.

Гусь оттолкнул руки сына, кашлянул. Из рта потекла тоненькая струйка крови.

– Отомсти, сына! Клянись!

– Клянусь, батя, – осипшим голосом прошептал Скок. – Клянусь...

– Прощай сынок.

Скок заставил себя вскочить на ноги, прыгнул в сторону, потом еще раз. Пули прошли где-то рядом, донесся рев жандарма: «Уйдет, сучонок!»

Крик придавал Скоку сил. Он скользнул в пролом забора, побежал вдоль него и свернул в подворотню. За спиной было тихо. Оторвался...

10

Домой Щепкин приехал в одиннадцатом часу ночи, принял душ и лег в постель. Но сон пришел не сразу. Немного ныло левое плечо, по которому вскользь угодил чей-то кастет, чесались сбитые костяшки правого кулака. Мелкие травмы, незамеченные в пылу схватки и сразу после нее, сейчас, когда ушло возбуждение, дали о себе знать.

Не желая думать о не очень-то успешной операции и о том, что делать дальше, капитан сменил тему и принялся анализировать саму схватку. Насколько действенными были приемы в бою против нескольких противников, насколько удачно действовал он сам и его люди. Гоглидзе подставился под нож, к счастью, рана легкая. А вот Белкин вышел из схватки без повреждений. И вообще работал успешно.

Щепкин в который раз отметил, что английский бокс вырабатывает не только прекрасную реакцию, но и чувство удара. Это надо использовать в своей методике. Реакция вообще много значит в бою, равно как и техника. А это со временем вырабатывает навык, то есть правильное поведение на инстинктивном уровне. И надо бы придумать еще пару упражнений для повышения скорости реакции.

...А Диана молодец. Держалась хладнокровно, вырубил Козыря и Баклана, а потом и бандита сняла... спасительница... и смотрит так настойчиво, все ждет... жаль, нет к ней тех чувств, прекрасная была бы пара...

Он провалился в сон как-то разом, словно нырнул в омут. И спал спокойно, без сновидений, набираясь сил после трудного дня.

Встал Василий в семь часов. Выполнял гимнастический комплекс, принял душ, побрился, накоротке просмотрел записи по борьбе, сделал несколько пометок и сел завтракать.

Он планировал позвонить Игнатьеву в восемь и узнать, как идет следствие. Но подполковник позвонил сам без пяти восемь.

– Всю ночь работали, искали концы, – пробасил в трубке его голос. – И узнали кое-что интересное. Так что прошу к нам к девяти, как раз будет совещание.

– А интересное – это что? – не удержался от вопроса Щепкин.

– Ну, например, то, что ловили мы двух щук. А поймали трех.

– Не понял?

– К нам в руки попал некий Паша-Гусь – вор-рецидивист со стажем, в уголовном мире личность известная.

– А он тут при чем? – удивился капитан.

– Не знаю. С Гусем не поговоришь.

– Что, упрямый больно?

– Мертвый, – недовольным голосом пояснил подполковник. – Ночью был побег из околотка. Жандармы и полицейские открыли огонь. Гуся убили. А его сынок Миша-Храп погиб в трактире. Вот так-то! – Игнатьев помолчал, потом уже другим голосом добавил. – Словом, Василий Сергеевич, жду. Работы невпроворот.

– Буду, Владимир Андреевич, точно в срок.

Щепкин положил трубку, вспомнил убитого Дианой бандита и ее слова: «Я тебе, капитан Василий, жизнь спасла... два раза. Хоть бы спасибо сказал...»

«А поблагодарил я тогда ее плохо. Не обиделась бы, с нее станется...» – подумал капитан и посмотрел на часы. Скоро собираться.

Но планы пришлось изменить буквально через десять минут. Вновь зазвонил телефон, и в трубке прогремел голос Батюшина:

– Господин капитан, срочно в отделение!

– Здравствуйте, Владимир Петрович. Что случилось?

– Здравствуйте, Василий Сергеевич, – поправился полковник.

– Меня Игнатьев просил к девяти подъехать...

– Отставить! Я сказал – срочно в отделение! Игнатьеву я сам позвоню. Я снимаю вас с этого задания! Все ясно?

Голос у Батюшина звенел от напряжения, и Щепкин уже понял, что произошло нечто плохое. Настолько плохое, что вежливый и корректный полковник позволил себе не поздороваться и повысить голос. Что это могло быть, Щепкин не знал, но возражать начальству перестал.

– Буду через полчаса.

– Жду, – коротко попрощался Батюшин и положил трубку.

За группой Щепкина сразу закрепили автомобиль с шофером, но капитан отказался от водителя и сам сел за руль. Технику он любил и обычно правил автотранспортом с удовольствием. Однако сейчас летел по городу, то и дело давя на тормоз, чтобы пропустить гру-

женные подводы, грузовые автомобили и растяп-прохожих, идущих по дороге. Народу на улице в этот час хватало, но все куда-то спешили и на гудки клаксона реагировали не сразу.

Адъютант Батюшина молодой подпоручик Осмысловский склонил голову в приветствии и сразу открыл двери перед Щепкиным. Капитан ответил на приветствие и шагнул в кабинет.

Начальник отделения был в парадной форме при наградах. Таким его Щепкин видел всего раз – год назад, когда Батюшин ездил в Ставку к императору. Сейчас же парадный мундир выглядел несколько неуместно.

Батюшин, видимо, сам это понимал, но старался не обращать на форму внимания.

– Здравия желаю, господин полковник! – обратился к начальству капитан.

Батюшин махнул рукой, завистливо глянул на Щепкина, одетого в простой костюм, ладно сидящий на его атлетической фигуре.

– Когда в партикулярном – каблуками не щелкают и по стойке смирно не встают. Проходи, Василий Сергеевич, присаживайся.

Сам полковник прохаживался вдоль стола, разминая крепкими пальцами папиросу. По немного нервной походке и папироске в руке Щепкин определил, что его начальник зело расстроен и явно не в духе. Тоже редкое явление, но бывало. Иногда, увлекшись ходьбой, полковник стирал папироску в труху.

Батюшин перехватил взгляд капитана, бросил папироску на стол, встал у подоконника и вздохнул.

– Ночью из кабинета в здании Генерального штаба были похищены документы.

– Что? – не поверил ушам Щепкин. – Как это похищены?

– Вот так. Из сейфов.

– А из какого отдела?

– Да какая разница?! – чертыхнулся Батюшин и махнул рукой. – Украли две папки.

Щепкин пораженно молчал, осмысливая услышанное. Украсть что-то из здания Генерального штаба невозможно. Это же не мясная лавка и не ювелирный магазин. Выспрашивать подробности Щепкин постеснялся, все ж Батюшин начальник, не пристало ему вопросы задавать.

Полковник, видимо, понял затруднение капитана, сел в кресло, выложил на столешницу руки. Глухим голосом произнес:

– Охрана злоумышленника заметила, попыталась схватить. Но тот оказался больно ловок, применил какие-то трюки и ушел. Ранил несколько солдат, одного убил. Вот этим...

Полковник извлек из ящика небольшой предмет и бросил его на стол. Щепкин взял предмет, с удивлением покрутил.

– Сюрикен. Из набора так называемых ниндзя.

– Кого?

– Японская секта шпионов и убийц. В прежние времена было несколько кланов, но сейчас их вроде бы нет. Хотя оружие осталось. Метательная звездочка. Таким убить непросто, нужна особая сноровка.

– Видимо, у нашего похитителя была. Эта... этот сюрикен воткнулся в шею, пробил сонную артерию.

– Вы думаете, этот... человек был японцем? – машинально, спросил капитан, вертя в руках стальную четырехконечную звездочку.

– Что? Василий Сергеевич, вы вчера переутомились сильно, что ли? Мне Игнатьев уже рассказал о ваших подвигах, даже к наградам вас представил... Какие японцы?

– Извините, – смутился Щепкин. – Я не знаю подробностей дела, но почти уверен, что без предательства не обошлось. Документы взял либо кто-то из своих, либо по наводке своего. Просто так залезть в Генштаб невозможно и сразу найти нужный кабинет и сейф тоже.

Батюшин кашлянул, расстегнул верхнюю пуговицу мундира.

– Меня утром вызвали в Генштаб к Аверьянову. Петр Иванович потребовал скорейшего расследования дела и возвращения документов. Я уже высказал мысль о... возможном участии в этом деле кого-то из сотрудников Генштаба. Генерал-лейтенант категорически отверг подобное обвинение и заверил меня в полной благонадежности офицеров и генералов...

Батюшин уловил на лице Щепкина подобие улыбки и нахмурился.

– Мы не вправе выдвигать обвинение против кого бы то ни было... хотя, конечно, у нас есть основания подозревать измену. Вот что, Василий Сергеевич, вашу группу я направляю на поиск документов. Погодите! – видя, что Щепкин готов возразить, поднял руку полковник. – Я еще не сказал главного.

Батюшин опять покашлял, прочищая горло, взял со стола графин с водой, наполнил стакан и выпил.

– То, что я скажу, есть государственная тайна. Прошу помнить об этом и... информировать своих сотрудников по мере необходимости.

– Простите, господин полковник, но я доверяю своим людям. И если мы будем вести это дело, они должны знать подробности.

Батюшин на миг смешался, кивнул.

– Ну, как угодно. Возможно, вы правы... Так вот. Похититель взял две папки. В одной копии планов дислокации наших войск на Дальнем Востоке и данные по мобилизационным планам. В другой... проект меморандума о возвращении потерянных территорий. В частности Южного Сахалина. Это совершенно секретный меморандум, его не показывали даже императору. Фактически его нет. Но проект вчерне подготовили. Я даже не могу себе представить реакцию властей Японии на такой меморандум! Конечно, первые, на кого подумали в Генштабе, – это японцы.

– Но японцы наши союзники. Мы воюем на одной стороне. Зачем им устраивать такую провокацию сейчас? – недоуменно проговорил капитан. – Они ведь не нападут на нас! Это невозможно.

– И все же! Никому, кроме них, кража документов не выгодна. Поэтому версию с японским агентом, подкупившим кого-то из сотрудников Генштаба и выкрывшим документы, отбрасывать нельзя. Более того, эта версия сейчас главная, и начальник Генштаба разделяет ее.

– Тогда надо искать Иуду... – вставил Щепкин.

– Надо. И его будут искать. К поиску привлекут столичное отделение контрразведки, нашу агентуру. На вас же, Василий Сергеевич, ложится особая миссия.

Батюшин достал из ящика папку, раскрыл ее.

– Через два дня из Петрограда во Владивосток отбывает помощник посла Японии господин Хиро Идзуми в сопровождении секретаря и советника по вопросам культуры. С ними поедет охрана. Если документы все же попали в руки японцев, лучшего варианта вывезти их в Японию нет.

– Вы полагаете, что похититель передал документы в посольство?

– Я не исключаю этого. Во всяком случае, такова основная версия. И вам придется проверить, насколько она верна.

Щепкин недоуменно посмотрел на полковника.

– Проверить – это обыскать багаж помощника посла?

Батюшин помрачнел.

– Я не знаю, каким образом вы сделаете это. Подумайте. У вас еще есть время. Но запомните: документы, если они вдруг окажутся у Идзуми, ни в коем случае не должны попасть в Японию!

– Кто мешает послу отправить сведения по радио, телеграфом или через агентуру?

– Данные такого уровня имеют реальный вес, только если их предоставляют в оригинале. Телефон, телеграф, радио можно прослушать, код и шифры разгадать, агентов перехватить. Нет! Если документы у посла, он отправит их единственно надежным и легальным способом – через помощника.

– А когда посол заявил об отъезде своего помощника? – спросил Щепкин.

– Неделю назад.

– То есть они еще тогда планировали похищение? – задумчиво поговорил капитан и поймал себя на мысли, что фактически уже начал работать, прикидывать варианты и расклады.

Батюшин понял ход мыслей Щепкина, кивнул.

– Приступайте. В расходах я вас не ограничиваю, средства будут выделены по заявке. Но помните о сроках. И о режиме секретности.

Щепкин встал.

– Я понимаю, господин полковник.

– И то, что провал и любые недоразумения с дипломатами нашего союзника также недопустимы, вы тоже понимаете?

– Так точно!

Батюшин обошел стол, встал напротив капитана.

– С богом, Василий Сергеевич! Я надеюсь на вас. В конце концов, японцы – ваш профиль. Вам и карты в руки. И докладывайте каждый день.

– Слушаюсь!

Провожаемый до дверей полковником, Щепкин покинул кабинет и пошел к выходу, пытаясь упорядочить скачущие в голове мысли. Никаких догадок и идей пока не было. Капитан просто не знал, с чего начинать...

11

«Стащить документы у посольской группы... Незаметно... Как? – размышлял Щепкин, ведя авто к спортивному клубу. – Думай, брат, думай... Только быстро. Времени в обрез, до отъезда японцев надо придумать план...»

Щепкин притормозил, пропуская колонну солдат, взглядом выхватил фигурки медсестричек, что шли за колонной. Мысли свернули на войну и тяжелое положение русской армии.

«Если через полгода-год бойня не закончится, Россия иссякнет, как людьми, так и средствами. Потери ужасающие, техническая отсталость армии налицо. А в тылу свары и склоки. Да еще восстания вроде Туркестанского. Народ на пределе. Страна слабнет с каждым днем. И даже если германцы сдадутся, что мы получим в остатке? Не выдвинет ли вчерашний союзник новые условия? Япония зарится на весь Сахалин, а не только на южную часть... В этом случае похищенные документы могут стать поводом...»

Капитан поймал себя на том, что опять думает о задании. Все же версия с японцами наиболее убедительна. Только вот как они проникли в Генштаб? Все же непонятно...

«Невское спортивное общество» занимало двухэтажный особняк и часть небольшого парка. В парке были подготовлены беговая дорожка, борцовский квадрат с песком и стружкой, гимнастическое оборудование вроде турников, брусьев, шведских стенок.

На первом этаже здания располагались общий зал борьбы, зал силовой гимнастики, массажная комната, душевые. На втором этаже были рабочие и жилые помещения, склад. В подвале оборудован тир.

Заведовал обществом Николай Ларин – ученик Щепкина еще со времен работы во Владивостоке. Бывший офицер, он получил ранение во время войны с Японией, потом вышел в отставку.

Когда была создана группа, Щепкин вызвал с Дальнего Востока своего ученика и предложил работу. Ларин наравне с учителем вел занятия по борьбе и фехтованию на японских мечах, помогал Василию в составлении его собственной методики и занимался хозяйственными делами.

Ларин знал, где работает его друг и учитель, но в дела контрразведки посвящен не был. Хотя несколько раз по просьбе Щепкина выполнял небольшие поручения.

Сейчас же Василий хотел посоветоваться с помощником. Ларин знал японцев и их повадки не хуже самого капитана и мог подсказать что-то дельное.

Во дворе здания Щепкин заметил фаэтон Гоглидзе. Князь сюда обычно приезжал на нем и оставлял во дворе, если приходилось уезжать на задание.

«Значит, и Белкин здесь, – прикинул капитан. – Георгий всегда забирает теску по пути. Хотя Белкину до штаб-квартиры десять минут ходу. Ну раз так, устроим совещание. Пусть тоже поломают головы, шеи друг другу уже наломали...»

Как и думал капитан, его товарищи были в зале борьбы. Белкин спарринговался с рослым статным подпоручиком из столичного гарнизона. Подпоручик слыл превосходным боксером и побеждал на гарнизонных соревнованиях. Белкин в мастерстве английской кулачной забавы подпоручика даже превосходил, но, кроме того, был обучен и хитрым уловкам дзюдо, что и использовал в бою. Видимо, по уговору, потому как попытки провести бросок или дать подножку подпоручик воспринимал без возмущения и сам все норовил толкнуть Григория и бросить его.

В другом конце зала на специально отгороженной площадке Гоглидзе фехтовал сразу с двумя соперниками. Те были вооружены деревянными мечами, а ротмистр учебной саблей. Георгий работал филигранно. Минимум усилий, минимум движений, скупое, расчетливое. Он легко отбивал удары, бил сам, скользил по площадке, заставляя соперников то и дело мешать друг другу, сбиваться с шага и наугад взмахивать мечами.

Ларин стоял возле площадки, изредка комментируя выпады и удары. Соперники Гоглидзе были учениками Ларина. А тот фехтование на японских мечах знал хорошо, его целых два года обучал японский офицер из пленных.

Они даже сдружились, а потом Ларин хлопотал об освобождении нового друга из плена. За что на него косились в штабе армии и называли «дружком косоглазых». Закончилось все вызовом на дуэль и ранением обидчика – заносчивого поручика – адъютанта командира полка. После того случая Ларин и подал в отставку.

В столице Ларин нашел учеников и обучал их премудростям владения катаной. После японской войны это даже вошло в моду, так что желающих хватало.

Ученики у Николая были прилежные, но до мастерства Гоглидзе им было далеко. Ротмистр закончил бой полной победой, отсалютовал соперникам, стащил с головы маску и вытер пот полотенцем.

– Не желаете размяться, сэнсэй? – спросил он Ларина.

Тот улыбнулся.

– К вашим услугам, князь! Надо же поддержать реноме японской школы...

Они рассмеялись, Ларин начал надевать на себя нагрудник и защиту рук.

– Придется отложить спарринг! – громко произнес Щепкин, подходя к площадке. – До следующего раза.

Ротмистр отсалютовал капитану, шуточно раскланялся.

– Господин начальник! Рад видеть вас! Новое задание?

– Именно, – не принял шутливого тона капитан. Он повернулся к Ларину. – Николай Петрович, доброе утро! Оставляю вас руководить занятиями... как всегда. Есть срочные вопросы?

– Доброе утро, Василий Сергеевич. Ничего такого нет. У вас по плану тренировка, потом придет первая группа.

– Тренировку перенесем. Группу возьмите на себя.

Щепкин повернулся к Гоглидзе.

– Зови Григория, примите душ и наверх в кабинет. У вас пятнадцать минут.

Ротмистр вздохнул, но послушно покинул площадку и начал стягивать с себя защиту.

С другого конца зала подошел Белкин. Поздоровался со Щепкиным, выслушал указание и первым направился в раздевалку.

Ларин проводил его задумчивым взглядом и посмотрел на капитана.

– Что-то случилось?

– Пока ничего особенного. Но мы об этом поговорим попозже, Николай Петрович. Хочу узнать твое мнение.

Щепкин отошел к закрепленной в полу фигуре человека, на которой отрабатывались удары, легонько толкнул ее, а потом вдруг врезал локтем по шее. Скрипнули пружины фиксатора, фигура немного отскочила, вернулась обратно и закачалась.

...Известие о краже из здания Генштаба поразило офицеров.

– Как они там охраняют? – злился Гоглидзе. – Кто угодно может прийти и взять что хочешь? Это служба?

– Непонятно, зачем так шуметь? – недоумевал Белкин. – Предатель, если он есть, мог и сам выкрасть документы. Причем тихо, обнаружили бы не сразу.

– Это если он имел доступ к сейфам? – резонно заметил ротмистр. – А если нет? Если он только знал, где что лежит, но проникнуть не мог.

– Или проник, – возразил поручик. – Переоделся и залез.

– А что говорит охрана? – обратился к Щепкину Гоглидзе. – Что они видели, каким был этот вор?

– Не знаю. И хватить гадать, кто да как! Этим занимаются другие. Городское отделение контрразведки подключили, возможно, и жандармов введут в курс дела. Лучше думайте, как получить доступ к багажу японских дипломатов. Идеи, наметки, варианты. Давайте, давайте! Устроим мозговой штурм.

– Жаль, Дианы нет, – вздохнул Белкин. – Она бы точно что-то придумала.

– Диана приедет после обеда. Сказала, что отлежится и будет готова, – сказал Гоглидзе. – А я бы ей отпуск дал и премию. Вчера спасла нас. Если бы не шарахнула Козыря по башке, он бы стрелять начал.

«Если бы была потише, взяли бы его живым», – подумал про себя капитан и вздохнул. Вчерашний провал, который Игнатьев скромно назвал «нескладно вышло-с...», был еще свеж в памяти.

Щепкин мотнул головой, прогоняя воспоминание, кашлянул.

– Приедет Диана – введем в курс дела. А пока думайте. И учтите – у нас мало времени. До отхода поезда надо иметь план. Обязательно!

Мозговой штурм устроили. Думали, прикидывали, выдвигали идеи, высказывали мнения. Любые, вплоть до сказочных.

...– Ограбление по дороге к вокзалу.

...– Налет.

...– Народное гулянье.

– По поводу? Очередного провала на фронте?

- Тогда шествие, молебен, стачка...
- Происшествие в поезде.
- Какое?
- Неполадки на путях, оползни, пожар!
- Пожар?

Щепкин сделал пометку в блокноте: узнать расположение вагона дипломатов, внутреннее устройство, бронирование, наличие средств пожаротушения, запасных выходов через крышу (если есть). Пожар – это вариант!

– Еще?

– Остановка, – вставил Белкин. – Дипломаты не гонщики – не должны бежать к границе, высунув языки. Даже если документы руки жгут, обязаны соблюдать протокол, держать лицо.

– Остановка, остановка, – Гоглидзе покрутил головой. – Но как? Зачем?

Белкин пожал плечами.

– Пока не знаю.

– Еще вариант – нападение немецких провокаторов-убийц, – добавил идею Щепкин. Об этом он думал по дороге в штаб-квартиру. Мысль не самая удачная, но как вариант...

– Могут не поверить, – возразил Белкин. – Хотя идея неплохая. Но тут нужны веские улики, чтобы не подкопаться.

– Подумаем... – Щепкин прошелся по списку идей, подчеркнул несколько наиболее интересных, быстро дописал: сделать запросы Батюшину и Игнатьеву – есть ли на примете уголовники, которым можно поручить дело? Как охраняется вагон дипломатов?

– Важный момент – если ничего не сделаем здесь, в столице, придется ехать в одном поезде с японцами. То есть быть рядом, мелькать на глазах. Это опасно, японцы могут нас раскрыть. Нужно прикрытие, легенда. Какая?

Щепкин взглянул на небольшие часы, что стояли в углу на подставке.

– Думайте и над этим. Я в отделение. Встречаемся в «Палкине», там и обсудим все. Да, и Диану предупредите, чтобы туда приехала. До встречи.

Василий перехватил Батюшина у выхода, когда полковник собирался садиться в авто. Видя, что Батюшин куда-то спешит, Щепкин попытался вкратце рассказать о том, что он и его сотрудники надумали по поводу задания. Но полковник долго слушать не мог.

– Извините, Василий Сергеевич, я спешу в Генштаб. Аверьянов просил прибыть. Что до ваших идей... Есть указание – никаких акций до выезда японцев из столицы не проводить. Да и на территории губернии лучше бы их не трогать. Обстановка такова, что любой намек на нашу причастность к этому делу недопустим.

Щепкин озадаченно мотнул головой.

– А если...

– Господин капитан!.. – повысил голос Батюшин, но тут же снизил тон. – Василий Сергеевич, это не прихоть. Меня просили в Генштабе... в этом есть свой резон. Что касается привлечения уголовников и данных, которые вы запросили... завтра я предоставляю сведения. Можете проконсультироваться у Игнатьева, жандармское управление получило указание помогать во всем.

– Слушаюсь, господин полковник.

Батюшин примирительно улыбнулся, откозырял Щепкину.

– До завтра, Василий Сергеевич.

Несколько обескураженный предупреждением Щепкин поехал на Фурштатскую. Игнатьев мог помочь советом, а то и чем-то более конкретным. Например, дать имя какого-нибудь

ловкого проходимца, который сможет незаметно проверить багаж японских дипломатов. Хотя этот вариант капитан пока держал среди запасных.

Однако на Фурштатской ему тоже сперва не повезло. К Игнатьеву вдруг заглянул начальник жандармского губернского управления генерал-лейтенант Волков. Щепкин только-только обменялся с подполковником приветствиями и был вынужден вскочить со стула и приветствовать генерала наклоном головы.

Волков неодобрительно посмотрел на гостя, сухо осведомился – кто и по какому делу. Узнав, что гость из контрразведки, махнул рукой.

– Шпионов все ищите? Так зря все. Немчура и австрияки из столицы давно выехали, даже негоцианты и аптекари. Разве что ювелиры остались. А секреты да тайны выведывают наши. Из революционэров да горлопанов. Да хапуги всякие, до золота вражеского жадные...

Щепкин услышал раскатистое «революционэры» и вдруг понял, кого недавно с явной иронией копировал Батюшин. Видать, пересекался с генералом и от него услышал.

Высказав генеральское мнение, Волков поиграл усами и вдруг сменил гнев на милость. Повернулся к Игнатьеву:

– Владимир Андреевич, не откажите в помощи коллегам. Раз уж надо. Государево дело делаем, одно на всех. Тем более и господин капитан, как я слышал, поспособствовал нам.

Осведомленность генерала не удивляла, на то он и начальник.

Игнатьев склонил голову.

– Слушаюсь, Иван Дмитриевич. Непременно.

Щепкин от такого панибратства онемел. Игнатьев это заметил и, когда генерал ушел, подмигнул капитану.

– Наш Иван Грозный куда как суров, но ради дела на все пойдет. И очень любит демократию... под настроение. Мне в том году разрешил обращаться по имени отчеству. Я, конечно, не злоупотребляю, но если вижу, что Волков в порядке, – не титулую, а по-простецки.

Игнатьев посетовал, что группу Щепкина сняли с задания, сказал, что его люди отыскивали интересные концы, и если их размотать, можно выйти на целую агентурную сеть. А там, глядишь, и эсеров бы накрыли, и каналы поставки оружия... да что уж теперь, сами справятся, раз такое дело.

Просьбу Щепкина выслушал спокойно, однако чем-то конкретным помочь пока не мог.

– Если бы ночью Пашу-Гуся не пристрелили, рекомендовал бы его. – Игнатьев улыбнулся. – Шучу. Этот гад на сотрудничество не пошел бы. Ненавидит нас люто... ненавидел... и детей своих так же воспитал.

Игнатьев подумал еще, но больше никого не назвал. В Департамент полиции ехать отсоветовал. Мол, там скажут то же самое.

Немного расстроенный, капитан простился с Игнатьевым и уехал.

12

По дороге к ресторану Щепкина остановили. Городовой поднял руку, требуя остановить авто, а когда капитан поинтересовался, в чем дело, полицейский важно изрек:

– Фильму снимают! С позволения властей. Перегородили переулочек и вот здесь. Вы уж в объезд пожалуйста.

– А долго будут снимать?

– Час двадцать еще, – достав часы и внимательно сверив время, ответил городовой.

Можно было достать удостоверение контрразведки и проехать, но Щепкин не стал. Настоящие съемки он видел впервые и захотел познакомиться с этим процессом поближе. Капитан заглушил мотор и стал высматривать артистов.

На отгороженной части улицы развернули какое-то оборудование, поставили светильники. Две толпы людей, сновавших от дома к дому, вдруг разбежались, кто-то прокричал нечто вроде «сцена... мотор...». Потом убежал и он, а возле двух аппаратов, в которых Щепкин признал съемочные камеры, встали три человека.

Из-за угла дальнего дома вдруг вывалилась крытая карета. Спереди и сзади скакали четверо полицейских, еще один сидел рядом с кучером. Неожиданно из подворотни выскочила пролетка, и сидевшие в ней три человека открыли ураганный огонь по карете и охране. Зазвучали приглушенные выстрелы. Щепкин различил холостые хлопнушки. Полицейские попадали с лошадей, трое поползли к бордюру и оттуда начали отстреливаться. Потом из подъезда выскочил парень и швырнул под карету большой сверток. Жахнуло так, что у Щепкина заложило уши. Стрельба разом прекратилась, с обеих сторон стрелки побросали оружие и зажали головы руками. Перепуганные лошади рванули прочь, волоча карету и пролетку за собой. В центре улицы они столкнулись. К ним побежали люди, чтобы успокоить лошадей и расцепить повозки.

Ржание лошадей заглушило крики и ругань. Откуда-то возник невысокого роста гладко причесанный господинчик и завопил так, что замолчали и люди и лошади:

– Стооп!! Стоп камера!!! Держите лошадей! Черт возьми, держите лошадей!!

Следом за господинчиком выбежали еще двое. Господинчик обернулся к ним и завопил:

– Что это такое?

– Дубль, Лев Янович. Дубль... сцена пятнадцатая, нападение на...

– Я знаю, что это! Я спрашиваю, что это такое?

Помощник захлопал глазами, обернулся на улицу, где ловили и успокаивали лошадей и поднимали перевернутую пролетку.

– Это...

– Какой идиот устроил такой взрыв?

– За эффекты со взрывами отвечает ваш помощник Зинштейн.

– Где этот террорист?

Помощники завертели головами, кому-то замахали руками. Из-за дома неподалеку от авто Щепкина вышел высокий худощавый парень с всклокоченными волосами. Отряхивая рукава и растерянно улыбаясь, он пошел к господинчику.

– А! Господин помощник! Ваша фамилия Халтурин? Или Гриневецкий? Вам слава бомбистов жить не дает? Хотите переплунуть?

Парень одернул пиджак и укоризненно посмотрел на господинчика.

– Лев Янович, вы же сами просили сделать все натурально, чтобы было как по правде.

– По какой правде? Я режиссер, и я решаю, что здесь правда, а что кривда! Как мне прикажете работать, если после ваших... реалий я остаюсь без артистов и без реквизита? Это не съемочная площадка, а штурм Измаила! На германском фронте дневные потери меньше, чем у нас на площадке!

– Простите, Лев Янович, но это гипербола...

– Что-о?!

Режиссер задохнулся от возмущения, побурел. Его рука вытянулась и указала куда-то в сторону.

– Вон! – выдохнул режиссер. – Вон, я говорю! Вы уволены! Я рассчитаю вас... я вычту из вашего гонорара стоимость ремонта пролетки и лечения людей!

Зинштейн гордо поднял голову.

– Вы не смеете!

– Смею! – снова взвизгнул режиссер. – Если вы сейчас не скроетесь с глаз долой, я посмею прибить вас на месте!

Он резко отвернулся, посмотрел на рабочих, которые все еще растаскивали повозки, повернулся к помощникам, застывшим с выпученными глазами.

– Быстро в мастерские! И чтобы через три часа все было сделано!

На дороге кое-как вставали на ноги «полицейские» и «налетчики», трясли головами, разевали рты. Режиссер горестно вздохнул, достал часы, что-то прикинул и объявил:

– Перерыв! Два... три часа! Все свободны! И найдите мне нового помощника. Который не захочет взорвать Питер для реальности кадра!

Уволенный, но пока не рассчитанный Зинштейн, понурив голову, прошел мимо Щепкина, бубня под нос.

– Сергей! Сергей Михайлович!

За Зинштейном вприпрыжку побежал один из помощников режиссера.

– Сергей Михайлович! Стойте же! – Помощник нагнал юношу и схватил его за руку. – Погодите! Вы же знаете Яна Львовича! Он взрывается, но быстро отходит. Он простит вас. Через три часа и простит. Ну, повинитесь, покайтесь.

Зинштейн выдернул руку из пальцев помощника режиссера.

– Оставьте, Иван Парфенович. Я не мальчик! Если господин режиссер не понимает современных тенденций в синемаатографе и не готов идти на риск, на эксперимент, я умываю руки. Работать с этим тираном я не хочу, увольте! Пусть ищет пиротехника и баталиста где угодно. Хоть на паперти. Я уйду!

Досмотреть трагикомическую сцену Щепкин не успел, городской махнул рукой и прокотал:

– Проезжайте, господин, путь свободен.

Обернувшись еще раз на место съемки и увидев расстроенных режиссера и его помощников, капитан усмехнулся и завел мотор.

Живут же люди! Даже завидно – вдали от реальной жизни творят сказку и при этом неплохо зарабатывают! И какие страсти бушуют!

Автомобиль Щепкин оставил неподалеку от входа в ресторан. С удовольствием прошелся пешком, разминая ноги, посмотрел на затянутое темно-серыми облаками небо и вдруг подумал, что давно не был на природе и что последний раз безмятежно лежал в траве еще в Токио. А как это здорово – лежать на траве, смотреть в чистое небо и не думать ни о чем! И знать, что завтра будет только учеба, новая тренировка, а потом опять чистое небо и легкие ясные мысли.

...– Я ее только раскрыл! – раздался за спиной молодой ломкий баритон. – И кстати, на улице сухо.

Щепкин обернулся. В нескольких шагах от него стоял рослый юноша. Тщательно уложенные темные волосы, правильные черты лица, легкая полуулыбка на губах. Чистый хорошо отутюженный костюм, надраенные туфли. В руках юноша держал две книги, верхняя открыта.

Рядом с ним средних лет мужчина с небольшой тростью. Смотрит на юношу с укором и интересом.

– Всеволод, тебе исполнилось шестнадцать лет! В этом возрасте к человеку должно прийти понимание, что читать книгу на ходу – значит проявлять неуважение не только к автору, но и к самому себе. Даже если это не самая интересная книга...

– Ну конечно, ты прав, папа, – с лукавой улыбкой ответил юноша. – Но разве желание открыть книгу может быть проявлением неуважения? Я считаю, наоборот, это как раз проявление интереса. Даже если книга не самая хорошая. Нет?

Мужчина покачал головой.

– Логика не должна идти вразрез с нормами поведения.

– Разве это возможно? Логика, если она настоящая, всегда следует нормам. Ты сам меня этому учил.

Из подъезда соседнего здания выбежал невысокий господин с выпирающим брюшком и пенсне на носу.

– Владимир Александрович, Владимир Александрович, я забыл вам сказать... фу!

Толстячок догнал мужчину, схватил его за запястье.

– Насчет ваших лекций. Я думаю, мне удастся договориться...

Мужчина улыбнулся, став вдруг удивительно похожим на своего сына.

– Лев Андреевич, помилуй бог! Я же лишен права преподавать! Как вы сможете...

– Владимир Андреевич, вы профессор! Вы прекрасный педагог, как вас можно лишить права делиться своими знаниями? Я перезвоню вам завтра. Хорошо?

Толстячок вплеснул руками и убежал.

Юноша с улыбкой следил за ним, а потом повернулся к отцу.

– Значит, ты возвращаешься на кафедру?

Владимир Андреевич снял пенсне, протер их платком и водрузил на нос.

– В империи инакомыслие лечат только одним способом – отлучением от дела. Или отправкой в ссылку. В конце концов, это приведет к гибели не только самой империи.

– Ты не преувеличиваешь, пап?

Мужчина посмотрел на книги в руках сына.

– Профессора Владимирову обвиняли в близости к социал-демократам, но никогда в преувеличении и глашатайстве. Нам пора, Всеволод.

Они обогнали Щепкина и пошли дальше по улице, о чем-то оживленно разговаривая.

Капитан проводил их взглядом. Вдруг позавидовал чужим семейным проблемам. Книги, кафедра, споры о логике и порядочности. Этот юноша станет юристом, экономистом, а может быть, филологом. И будет счастлив в жизни, никогда не столкнется ни со шпионами, ни с контрразведкой, даже таких слов не узнает. Разве что из бульварных романов.

Капитан вытащил часы, посмотрел на них и пошел к входу ресторана. Пора вернуться к насущным делам. Как говорили древние – каждому свое. Кому снимать фильмы, кому читать лекции, постигать науки, а кому-то ловить шпионов и возвращать секретные документы.

13

Василий всегда заказывал один и тот же столик на втором этаже в конце зала. Он стоял в углу и был отделен от других клумбами с цветами и стойками. Здесь можно говорить без опасения быть подслушанным соседями. Если этого казалось мало, можно попросить официантов поставить раздвижную загородку, тогда столик и вовсе будет незаметен.

Заказывая сегодня стол, капитан так и попросил – поставить загородку и сервировать стол как положено – для обеда, только без спиртного.

Щепкин первым пришел в ресторан, а через десять минут подоспели Гоглидзе и Белкин.

– Диана сейчас будет, я ей позвонил, – сразу сказал ротмистр, отодвигая стул.

– Постимся? – указал на графин с водой Белкин.

– Хватит и вчерашнего, – хмыкнул Щепкин. – Вчера напились, сегодня ни капли. Тем более у нас режим.

Поручик нарочито вздохнул. Вчера они пили «водку», сегодня, видимо, придется пить такую же.

– Закажем или Диану подождем? – поинтересовался ротмистр.

– Я уже все заказал. Хороший обед, десерт. – Щепкин покосился на Белкина, улыбнулся. – Чтобы компенсировать горячительное. Подождем немного. Лишь бы наша танцовщица не запоздала...

Капитан взглянул на часы, посмотрел в сторону лестницы и увидел застывшего официанта, готового подойти по первому требованию важных гостей. Что гости важные, он знал, компания не первый раз здесь обедает. И хотя никто не говорил, откуда эти люди, официант догадывался, что они отнюдь не клерки торговой компании.

Диана появилась через пятнадцать минут. Как всегда, в красивом наряде, подчеркивающим ее стройную фигуру, в шляпке с вуалью. Кивком головы поздоровалась со всеми, села на заботливо отодвинутый Гоглидзе стул, бросила перчатки на небольшой столик, сложила туда же сумочку и шляпку. Чуть прищурилась, посмотрела на лампу под потолком.

– Попросите убавить. А лучше пусть зажгут свечи. У меня что-то голова побаливает и глаза после ночи яркий свет не переносят.

Щепкин подозвал официанта и попросил принести свечи, а верхний свет приглушить. Официант кивнул и исчез. Через минуту вернулся с канделябрами, установил их на специальных подставках, зажег свечи и с поклоном поинтересовался, хорошо ли так?

– Вполне, – ответил капитан. – Можете подавать.

– Так что за новости, командир? – спросил первым Гоглидзе, когда официанты расставили блюда и удалились. – Почему нас сняли с дела?

– Сняли? – недоуменно проговорила Диана, глядя поочередно на ротмистра и на капитана. – Мы что, плохо работали?

– Работали мы хорошо, Игнатьев отослал представление на награды. Но дело не в этом. Капитан оглянулся, чуть понизил голос.

– У нас новое задание. С самого верха. Дело темное, пахнет предательством, оттого вдвойне важное и срочное. Господам офицерам я уже рассказал, теперь, сударыня ваша очередь слушать и охать.

Диана улыбнулась краешком губ.

– Ну, если охать, не мешало бы сударыне немного выпить. Дабы стимулировать мозги. Я ж и вчера не пила, только губы смачивала. А сейчас бокал вина будет кстати... ты что заказал-то?

– Мясное, – сухо ответил Щепкин.

Диана, как обычно, выдавала свои капризы за необходимость, тем самым немного сбивая рабочий настрой группы. Офицеры относились к этому с пониманием, но иногда Щепкин чувствовал внутреннее неудобство от такой фривольности. Что поделать, женщина! Все у нее чуть не так, иначе. Приходится мириться...

– Значит, красное! – кивнула Диана, словно не заметив тона Щепкина. – Закажете, господин капитан?

Новость о краже документов из Генштаба и о приказе Батюшина проверить багаж японцев она восприняла, как и все, с удивлением и непониманием. Но переспрашивать и восклицать не стала. Вполне по-деловому задала несколько вопросов и довольно кивнула.

– Согласна, японцы первые на подозрении. Хотя способ избрали немного странный. Да и время не самое удобное. Разве что хотят выйти из войны и занять нейтральную позицию... А?

Капитан с благодарностью взглянул на нее. Диана быстро разобралась в проблеме и выдвинула интересную идею. За такое не то что бокала – бутылки не жалко!

– Что до политики – пусть министры думают. Нам же надо решить, как станем выполнять задание. Кстати, новая вводная: на территории столичной губернии трогать дипломатов нельзя. Итак, ваши предложения?

Белкин с Гоглидзе переглянулись.

– Раз Питер с окрестностями отпадают, остается только поезд. Недавно открыли мост через Амур, теперь курьерские будут ходить прямиком по нашей территории, – сказал Белкин.

– Но вот как устроить обыск в вагоне? Только отвлечь внимание японцев, – добавил Гоглидзе. – Кроме пожара или там... неполадок с дорогой, ничего иного в голову не приходит.

– Не думаю, что нам позволят крушить полотно или ломать паровоз, – задумчиво проговорил Щепкин. – Хоть Батюшин в методах работы не ограничивал, но до известного предела... Пожар – да, вариант. Если только огонь на другие вагоны не перекинется. Кстати, мне обещали привезти схему вагона, в котором поедут японцы, а также объяснить конструктивные особенности тормозной системы и ходовой части. Вдруг пригодится...

– Можно и без пожара, – вздохнула Диана. – Поезд по дороге несколько раз делает остановки. Я имею в виду длительные. Можно организовать что-то вроде торжества, юбилея, градоначальник пригласит высоких гостей на застолье. Японцы не посмеют отказать – этикет. А там что-нибудь придумаем...

Офицеры с удивлением посмотрели на Диану. Гоглидзе хлопнул в ладони.

– Ай, молодец! Диана, умница! Ты самая умная красавица!

– Это вариант, – поддакнул Белкин. – И впрямь, япошки не посмеют отказать, тем более если приглашение будет официальным, на бумаге. Вручат заранее.

Щепкин одарил девушку благодарным взглядом, она довольно улыбнулась и опустила глаза.

– Это здорово. Пока лучшая идея! Диана, я готов заказать шампанское!

– Обойдемся красным вином. Наконец оценили...

Гоглидзе театрально приложил руку к сердцу.

– Дианочка, милая, я всегда признавал твой незаурядный ум, и только твоя несравненная красота виной тому, что не всегда отмечал его по достоинству!

Белкин усмехнулся. Диана зарозовела, перевела взгляд на Щепкина.

– Учитесь, господин капитан, делать комплименты. Вот так завоевывают женские сердца!

– Хм! – Щепкин покачал головой. – Буду знать...

Подоспели официанты, начали расставлять тарелки и блюда. Перед Дианой поставили бокал вина. Официанты пожелали приятного аппетита и удалились.

– С порядком действия более-менее определились, – повеселевшим голосом констатировал Щепкин. – А вот как поедет? Открыто опасно, будем проявлять интерес – нас вмиг срисуют. Нужна маскировка. Какая?

Гоглидзе почесал лоб, посмотрел на стоявшее перед ним блюдо, от которого шел чудесный аромат, вдохнул его и проговорил:

– Сейчас подумаем...

Щепкин усмехнулся и первым взял столовые приборы.

– Приятного аппетита, господа... и дамы. Совместим размышления с насыщением.

Сам Щепкин ел неохотно, аппетита не было. Он ловко резал мясо ножом, накалывал на вилку крохотные кусочки, макал их в соус, а сам все думал, под каким видом сесть в поезд его группе. Так, чтобы и с японцами быть рядом, и глаза им не мозолить.

Увлечшись размышлениями, капитан уничтожил основное блюдо, опустошил салатницу, но пока ничего путного не придумал. Сотрудники его не отвлекали, тоже искали выход из положения.

– Может, в качестве ученых поедет? Или врачей? – предложил Белкин.

– Ты, Гриша, на врача не очень похож, – вставила Диана. – Разве что на коновала. Твоими ручищами только кости лошадям вправлять. Или быкам.

Белкин посмотрел на руки, сжал кулаки, размерами напоминающие чугунные ядра, хмыкнул.

– Фельдшер... Вон капитан – доктор, Георгий – практикант, ты... медсестра.

– И если среди япошек будет хоть один медик, нас выкупят на раз, – возразил Гоглидзе. – А медик должен быть, как-никак помощник посла едет! Нашим-то они не очень доверяют.

– Ну тогда я буду профессором, – скривил губы Белкин. – Астрономии! В звездах-то вряд ли кто из японцев разбирается.

Щепкин услышал слово «профессор» и вспомнил вдруг давешний эпизод неподалеку от ресторана. Как его там? Профессор Владимиров? И его сын Сева.

В голове мелькнул выскерк идеи. Конечно, это самый лучший вариант. Нет, не с профессором. Воспоминание капитана скользнуло дальше, до сцены на улице, когда снимали фильм. Фильм! Вот что надо!

Еще во Владивостоке Щепкин работал под легендой владельца прокатного салона. Крутил игровые фильмы, демонстрировал хронику. Маскировка отличная, вряд ли кто мог заподозрить в молодом элегантном господине сотрудника контрразведки.

Кстати, идею Щепкину подсказали сами японцы. Их разведчики открывали прачечные, фотостудии, устраивались работать гувернерами, дворниками, извозчиками. Не гнушались грязной работы и проникали даже в дома высокопоставленных лиц.

В своем салоне Щепкин знакомился с разными людьми, что значительно помогало ему в работе. Одного из постоянных зрителей Щепкин сумел разоблачить. Японец приходил смотреть выпуски хроники из Манчжурии и Японии, а заодно передавал связному донесения. Их обоих и взяли на выходе из салона. А находчивый коммерсант-прокатчик получил благодарность по службе и повышение в чине.

– Так, есть мысль! Используем принцип самой лучшей маскировки, – капитан посмотрел на сотрудников и улыбнулся. – Гриша, где лучше всего организовать тайник?

Белкин пожал плечами.

– Где его никто не найдет.

– Где его никто не будет искать!

– А-а... – протянул Гоглидзе, глядя на Щепкина. – Это как тот лист, да? Его лучше прятать в лесу!

– Или в гербарии. Чтобы на нас не обращали внимания, не надо прятаться вдалеке и выглядывать из-за угла. Будем на виду, на первом плане. И до нас никому не будет дела.

– Это как? – не понял Гоглидзе. – Железнодорожниками прикинемся?

– Лучше. Будем съемочной группой! – Щепкин увидел непонимание в глазах сотрудников и пояснил: – Будем снимать фильм!

– А?

Даже Диана изумленно уставилась на капитана, ожидая разъяснения. Гоглидзе и Белкин переглянулись и дружно пожали плечами.

– Съемочная группа отправляется во Владивосток, где будет проводить съемки нового... ну пусть приключенческого фильма, даже драмы. Реклама, ажиотаж, известные актеры... Кто заподозрит игру? И тем более работу контрразведки?

– А где мы возьмем известных актеров, режиссеров и прочих там?.. – спросил Гоглидзе. – Холодную, что ли, найдем? И Бауэра с Чардыниным?

– Это неважно. Главное – заявить, а кто где будет снимать, какой артист появится – никто не узнает. Был бы шум, слухи.

– И кто из нас сыграет роль этого... – Белкин непроизвольно щелкнул пальцами, – режиссера? Я на Бауэра не похож! А Диана наша хоть красотой и затмит всех женщин, все-таки не Вера Холодная. Хотя фамилия похожа.

Диана улыбнулась, погладила поручика по руке.

– Спасибо, милый Гриша. Вы с Георгием сегодня одариваете меня комплиментами. Я и впрямь не Вера. Но при случае сыграть могу. Как-никак тоже актриса. Правда... не такая известная.

– С режиссером решим, – отмахнулся Щепкин.

Он старательно вспоминал лицо того молодого парня, который так лихо взорвал кареты во время съемок и поругался с режиссером. Тот вполне подойдет. Как его?.. Зиб... Зинштейн? Надо дать запрос, мигом сыщут. Спросить у того же Льва Яновича. Словом, отыскать не проблема. Главное – уговорить. Но тут уж ничего сложного, Щепкин умел уговаривать и не таких гордецов.

– Значит, так! – капитан вытащил часы. – Я в город, искать нового Бауэра. А вы давайте на базу. И ждите звонка. Диана?

Холодова окатила капитана откровенным взглядом.

– Если не против, поеду домой. Отлежусь и к завтрашнему дню буду полностью готова.

– Хорошо. Я вечером позвоню.

Щепкин подозвал официанта, выложил на стол несколько ассигнаций.

– Благодарю, милейший. Обед отмененный.

Когда официант с поклоном удалился, капитан встал.

– За работу. Времени у нас не так много, честно говоря, почти нет. До отхода поезда все должно быть готово.

Он кивнул сотрудникам и быстро пошел к выходу. Уже у лестницы его догнал окрик Дианы.

– Василий!

Щепкин обернулся. Диана шла к нему бодрой пружинистой походкой, так не вязавшейся с ее бледным лицом и воспаленными глазами. Каблучки выстукивали о паркет ритм, который вдруг напомнил капитану какой-то марш, звучавший то ли в Японии, то ли на Дальнем Востоке.

Диана подошла почти вплотную, заглянула в его глаза.

– Мы увидимся сегодня?

– Вряд ли. Мне еще одного человека надо найти и поговорить с ним. По поводу нашей легенды.

– А потом? – Диана искательно заглянула Василию в глаза. – Вечером?

Щепкин кашлянул, чуть поморщился.

– Дана, – в самом начале их отношений он называл ее так, шутливо сравнивая с древней богиней. – Я же говорил тебе, что не могу... с подчиненным...

– Ох, какой вы зануда, капитан! – Диана стрельнула глазами по сторонам.

Их никто не слышал, официанты держались в стороне, а соседние столики были пусты.

– Могу, не могу... Я не тургеневская девушка, капитан Василий! Не монашка и не ханжа. Я женщина. И как каждой женщине, мне нужно чувствовать интерес мужчины к себе. Его страсть, желание, похоть даже. Любовь... если она есть.

Щепкин недовольно мотнул головой. Откровенность Дианы всегда его удивляла и немного раздражала. Хотя до пошлости Холодова не скатывалась, но говорила всегда прямо, без затей. И тем заводила Щепкина в тупик.

– Я может, и в отделении работаю из-за тебя. Терплю все эти операции, разработки, слежки, поиски, чтобы видеть тебя рядом.

– То есть я – стимул твоей работы? – попытался перевести все в шутку Щепкин. Разговор его уже тяготил.

– Ты стимул моей жизни, Вася. Разве это плохо? Чувство поддерживает, помогает, дает силы и желание идти дальше. Сильное чувство порой помогает совершать невозможное.

Диана дотронулась рукой до груди капитана, провела пальцами по рубашке. Щепкин почувствовал тепло от ее пальцев и понял, что хочет обнять девушку.

Диана вдруг убрала руку.

– Вот если бы не встретила тебя, наверняка ушла бы со службы. Открыла бы сейчас какой-нибудь салон. Предсказаний и тайн...

– Ты умеешь гадать?

– В моем роду цыган вроде не было, – улыбнулась Диана. – Хотя за дальних предков не поручусь. Вдруг какая-то молодая цыганка окрутила юного баронета... или графа?!

Она украдкой вздохнула, тронула веко, словно смахивая с него слезу.

– Нет, Вася, женщине не нужно быть цыганкой, чтобы уметь читать людей. Их мысли, желания, надежды. Умной женщине, – она отвела взгляд, погрузилась. – И нас читать так же легко. Если есть желание.

Щепкин почувствовал неловкость. Внезапная исповедь женщины, к которой он больше не испытывал прежних чувств, тяготила. Но оттолкнуть Диану или остановить ее он не мог. Все же она была ему близка.

Он бросил взгляд в другой конец зала. Белкин и Гоглидзе о чем-то говорили, подчеркнуто не глядя в их сторону.

Капитан осторожно поднял голову Дианы за подбородок пальцами. Заглянул в глаза.

– У тебя глаза все еще красные. Что с ними?

Диана порхнула ресницами, отвела взгляд. Ответила глухим тихим голосом, словно нехотя:

– Полночи плакала. Убила ведь человека. Хоть и врага, но все же...

– Ты молодец! Если бы промедлила...

– Знаю. Но все равно жалко.

Убила-то она троих, но напоминать об этом Щепкин сейчас не хотел. Во вчерашней драке он тоже одного уложил наповал, а еще одного все никак не приведут в себя в госпитале. И Белкин кого-то приложил намертво. В отличие от драки настоящий бой всегда заканчивается чьей-то смертью, в лучшем случае увечьем.

– Успокойся, – сказал он. – Езжай домой, отдохни. Я вечером позвоню.

– Лучше я, – вздохнула Диана. – У нас что-то со связью. Слышимость плохая. Чинят, наверное.

– Хорошо, звони.

Капитан наклонился, тронул губами ее висок, отступил и повернулся к лестнице. Диана проводила его долгим взглядом и пошла к столу.

14

Отыскать Зинштейна оказалось не так просто. С прежнего места съемочная группа уехала, искать их по городу – только время тратить. Пришлось звонить Игнатьеву и через него просить полицию. Там и подсказали, где могут быть режиссер, артисты и прочий люд, причастный к съемкам.

Потом Игнатьев вспомнил о своем приятеле издателе и позвонил ему. Тот просветил подполковника о том, где и как проводят время творческие люди, в какие рестораны и трактиры ходят, у кого в домах собираются, назвал имена двух меценатов, всегда готовых предоставить творческой богеме не только деньги, но и свои хоромы.

Издатель связался с кем-то из знакомых, тот позвонил своему приятелю – и так по цепочке вышли не только на адрес Зинштейна, но и на те места, где он мог быть.

– Если у него все в порядке с деньгами, искать следует в «Дононе» или «Кюба», хотя в последнем бывает редко. Если он на мели – трактирчик в подвале через две улицы от «Мясо-едова». Не такая дыра, как последний, но все-таки, – просветил капитана Игнатьев и от себя добавил: – Оказывается, примечательная личность. Говорят, безумно талантлив, оттого бывает высокомерен. Снобизмом не страдает. А в охранном говорят – среди знакомых были сомнительные личности.

– Ну к сомнительным можно отнести кого угодно, – усмехнулся Щепкин. – Даже меня.

– Хорошо, я подскажу охранке, пусть обратят внимание! – раскатисто засмеялся Игнатьев и попрощался.

Щепкин рассудил, что после разрыва с режиссером Зинштейн вряд ли станет пировать у «Кюба», и поехал в трактир. Если и там Зинштейна нет, придется ждать у дома или искать у знакомых, о которых теперь капитан знал.

Но ему повезло. «Последователь Халтурина и первый террорист синематографа» был на месте. Он сидел за отдельным столиком у перегородки и задумчиво ковырял вилкой в тарелке. На еду не смотрел, взгляд устался на перегородку. Выглядел Зинштейн злым и грустным одновременно.

В трактире было мало народу, заняты всего три столика, посетители вели себя тихо. Половой сновал между столами безмолвной тенью.

Щепкин шел по небольшому залу, на ходу прикидывая, как ловчее выстроить беседу и чем зацепить этого парня, чтобы тот дал согласие на участие в аванюре.

Половой, увидев нового посетителя, скользнул к нему, но встретив отрицательный жест капитана, застыл на месте. Бросил на Щепкина внимательный взгляд и склонил голову. Похоже, догадался, что за человек пожаловал. Чего-чего, а умения с первого взгляда распознать визитера у работников трактиров, ресторанов, гостиниц не отнять. Устойчивый навык.

Щепкин подошел к столу легкой уверенной походкой, чуть склонил голову, веселым тоном спросил:

– Позвольте? Не помешаю?

Зинштейн бросил на него косой взгляд, кивнул.

– Прошу.

Капитан сел, небрежно одернул полу пиджака, закинул ногу на ногу. С интересом посмотрел на соседа. Тот доедал бифштекс, запивая это дело каким-то пойлом вроде кофе. Видимо, здесь кофе делать не умели вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.